
ВИКА ПЛАМЯ АЛЕНА ЧЕРВОНАЯ
Мой гарем мои правила
ПОПАДАНКА

Алёна Червоная
Вика Пламя

Попаданка . Мой гарем — мои правила

https://litres.ru/74722319

Аннотация

Проснувшись в теле жестокой графини, Анна обнаруживает у своей постели троих мужчин-рабов. Эльф, орк и рыцарь — идеальная собственность, обученная искусству любви и боли. Они ждут только одного: её приказа.

Но Анна из другого мира. Она не привыкла бить и унижать. Её первая попытка проявить доброту оборачивается катастрофой. Рабы падают в панику, умоляя наказать их, а надзирательница требует казни "непослушных" до заката.

В этом мире доброта — слабость. Мягкость — преступление. А слабая госпожа — труп.

Теперь Анна должна выбрать: — Сломать себя и стать настоящей Госпожой, питающейся болью подчинённых. — Или погибнуть, утянув за собой тех, кого пыталась спасти.

Смогут ли её современные правила выжить в мире, где страсть — это оружие, а рабство — единственный язык любви?

Жёсткая эротика, магия, политические интриги и борьба за власть над собственным сердцем. 18+

Содержание

Глава 1 Пробуждение в клетке 4
Глава 2 Анатомия этого мира 21
Глава 3 Проверка на прочность 31
Глава 4 Первая кровь 45
Глава 5 Враг у ворот 56
Глава 6 Цена силы 66
Глава 7 Кровавый выбор 76
Глава 8 Первая кровь на руках 83
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Глава 1 Пробуждение в клетке

Я проснулась от чужого прикосновения между ног.

Не от будильника, не от кошачьей морды на лице, не от соседского перфоратора в семь утра , а от чьих-то пальцев, которые уверенно и умело раздвигали мои складки.

Глаза открылись сами, рывком, и я уставилась в потолок из тёмного камня со светящимися прожилками, которые пульсировали слабым голубым светом, как вены под кожей. Пахло ладаном, нагретым металлом и чем-то сладким, тягучим, вроде мёда, смешанного с потом. Тяжесть внизу живота была такой плотной, что я машинально сжала бёдра и сжала чужую руку.

— Госпожа проснулась, — прошелестел мужской голос сбоку. Глубокий, с лёгкой хрипотцой, как будто человек говорил после долгого молчания.

Я повернула голову и забыла, как дышать.

На краю огромной кровати, застеленной чёрным шёлком, стоял на коленях эльф. Настоящий! С длинными белыми волосами, рассыпанными по плечам, с острыми ушами, которые чуть подрагивали, как у настороженного зверя. Его глаза были цвета расплавленного серебра, и в них не было ни капли стыда, пока он медленно вытаскивал руку из-под одеяла. Пальцы блестели моими соками.

— Я не успел закончить ритуал, — сказал он ровно, без

извинений, но с явным напряжением. — Вы проснулись раньше обычного. Простите. Я могу продолжить, если вы позволите.

Я хотела закричать. Хотела отползти, ударить его, спросить, какого чёрта происходит. Но вместо этого я почему-то посмотрела вниз и увидела своё тело.

Не своё.

Кожа была бледной, почти фарфоровой, с россыпью веснушек на груди. Грудь — полная, тяжёлая, с тёмно-розовыми сосками, которые торчали от холода. Живот плоский, с тонкой дорожкой тёмных волос, ведущей вниз. И между ног — мокро, горячо, всё сжатое и пульсирующее, как будто тело жило своей собственной жизнью, отдельно от моего ужаса.

Это было не моё тело. Не моя спальня. Не мой мир.

— Что происходит? — просипела я. Голос был чужим — низким, грудным, с хрипотцой, которая мне не принадлежала.

Эльф вздрогнул не от страха, а от неожиданности. Он поднял на меня взгляд, и в серебряных глазах мелькнуло что-то похожее на панику. Он быстро опустил ресницы, склонил голову, и его длинные волосы упали на лицо, скрывая выражение.

— Простите, Госпожа. Я не должен был говорить без вашего разрешения. Накажите меня.

Дверь в дальнем конце комнаты скрипнула. Я повернула голову и увидела ещё двоих.

Первый — огромный. Не просто высокий, а широкий, как шкаф, с кожей тёмно-зелёного оттенка, с буграми мышц, которые перекатывались при каждом движении. Орк. Настоящий орк, с тяжёлой челюстью, с двумя клыками, выступающими из нижней губы, с глазами цвета янтаря, которые смотрели на меня с чем-то средним между голодом и страхом. На нём не было ничего, кроме широкого кожаного ошейника с металлическими кольцами. Его орган — тяжёлый, толстый, с набухшей головкой — стоял колом, и я невольно отвела взгляд, чувствуя, как лицо заливает краска.

Второй — рыцарь. Высокий, жилистый, с короткими тёмными волосами и шрамом, который рассекал левую бровь и уходил к виску. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на меня холодно, оценивающе, как на врага. На нём были только кожаные штаны, низко сидящие на бёдрах, и такой же ошейник, как у орка. На плече — свежий синяк, фиолетово-жёлтый, размером с ладонь. Он не дрожал. Он ждал.

Все трое смотрели на меня.

И все трое ждали.

— Госпожа, — эльф снова заговорил, не поднимая головы. — Вы позволите нам подойти? Или вы хотите начать с наказания?

Я сглотнула. В горле пересохло. Я попыталась сесть, но тело отозвалось тупой болью внизу живота, и я замерла, прижав ладонь к животу. Под пальцами — горячая кожа, напряжённые мышцы, и что-то внутри сжалось, отпустило, снова

сжалось. Как будто там что-то жило. Как будто оно хотело, чтобы его трогали.

— Я... — начала я и замолчала, потому что не знала, что сказать. Я не знала, кто эти люди. Не знала, где я. Не знала, почему у меня между ног всё мокро, а трое невероятно красивых мужчин смотрят на меня так, будто я их богиня и палач одновременно.

Эльф поднял голову. Медленно, осторожно, как будто ждал удара. Его серебряные глаза встретились с моими, и я увидела в них не похоть, не страх , а отчаяние. Глухое, застарелое, как у человека, который давно смирился с тем, что его жизнь ничего не стоит.

— Госпожа, — сказал он тихо, — вы плачете.

Я подняла руку к лицу. Пальцы наткнулись на мокрые дорожки. Я действительно плакала. Молча, без всхлипов, без истерики. Просто слёзы текли сами, и я ничего не могла с этим сделать.

Орк сделал шаг вперёд. Половицы скрипнули под его весом. Он опустился на колени — тяжело, как будто это стоило ему усилий, — и уткнулся лбом в пол. Его широкая спина вздрагивала.

— Прости, Госпожа, — прогудел он. Голос был низким, как раскат грома, и в нём дрожала обида. — Я не хотел тебя расстроить. Я не трогал тебя. Клянусь. Я только смотрел. Накажи меня. Пожалуйста.

Рыцарь не двинулся с места. Он стоял и смотрел, как орк

унижается, как эльф застыл в позе покорности, в его глазах было что-то тёмное, злое. Он сжал кулаки так, что костяшки побелели, и я заметила, как под кожей на предплечье набухла вена. Он был зол. Не на меня. На себя. На ситуацию.

— Встань, — сказала я орку. Голос всё ещё был чужим, но уже чуть твёрже.

Орк вздрогнул всем телом. Медленно, очень медленно поднял голову. На его лице было такое изумление, как будто я сказала что-то на языке, которого он не знал.

— Госпожа? — переспросил он.

— Встань, — повторила я. — Не надо... не надо так.

Тишина в комнате стала густой, как патока. Эльф поднял голову и посмотрел на меня с недоумением. Рыцарь прищурился. Орк стоял на коленях, не двигаясь, и я видела, как его плечи начали дрожать сильнее.

— Ты... — начал он, но не договорил.

Дверь распахнулась с такой силой, что ударилась о стену. В комнату вошла женщина. Высокая, худая, в чёрном платье с высоким воротом, с волосами, стянутыми в тугой пучок на затылке. Её лицо было бледным и неподвижным, как маска, а глаза — светло-серые, почти бесцветные — смотрели на меня без всякого выражения.

— Графиня, — сказала она ровно. — Ваши рабы вчера отказались драться на арене. Двое получили по десять плетей, но это не помогло. Они снова не подчинились. Вы ждёте, пока я их кастрирую, или сделаете это сами?

Я уставилась на неё, не понимая ни слова. Кастрирую? Рабы? Арена? Что за бред?

— Что? — вырвалось у меня.

Женщина вздохнула. Едва заметно, уголками губ, но этого хватило, чтобы я почувствовала холодок по спине. Она подошла к кровати, и я заметила, что в руке у неё что-то есть плеть. Короткая, с тремя хвостами, из тёмной кожи, с металлическими наконечниками.

— Графиня, — сказала она тем же ровным голосом, — вы плохо спали? Ваши рабы не подчиняются. Это плохо отражается на вашей репутации. Если вы не накажете их сегодня, завтра их заберут в публичный дом для мужчин. Вы знаете, что это значит. Они будут там не как клиенты.

Она протянула мне плеть.

Я смотрела на неё, на эту плеть, на металлические наконечники, которые блестели в свете голубых прожилок на потолке, и чувствовала, как внутри всё сжимается от ужаса. Я не могла. Не могла взять это в руки. Не могла ударить человека. Даже если это раб. Даже если это чужой мир.

— Я... — начала я и замолчала.

Эльф поднялся с колен. Медленно, плавно, как вода. Он подошёл ко мне, и я почувствовала запах его кожи — что-то древесное, терпкое, с ноткой мускуса. Он опустился на колени рядом с кроватью, взял мою руку и вложил в неё плеть. Его пальцы были холодными и сухими.

— Госпожа, — сказал он тихо, так, чтобы слышала только

я. — Если вы не ударите, нас убьют. Не вы. Она. Или её люди. Пожалуйста. Я умоляю. Сделайте это.

Я посмотрела в его серебряные глаза. В них не было страха. Была усталость. Такая глубокая, такая древняя, что у меня защемило в груди.

— Я не умею, — прошептала я.

Он чуть улыбнулся. Едва заметно, уголком губ, но это была настоящая улыбка. Горькая.

— Я помогу, — сказал он. — Просто держите крепче.

Он отпустил мою руку и встал. Повернулся к надзирательнице, и его лицо снова стало непроницаемым.

— Госпожа накажет нас после завтрака, — сказал он ровно. — Как обычно. Сначала ритуал, потом еда, потом наказание. Вы знаете порядок.

Женщина посмотрела на него, потом на меня. Я сидела на кровати, сжимая плеть в руке, и чувствовала, как меня трясёт. От холода. От страха. От чего-то ещё, что я не могла назвать.

— Хорошо, — сказала надзирательница. — Но если к вечеру они снова не подчинятся, я заберу их сама. И тогда, графиня, вам придётся объясняться с советом. А совет не любит, когда женщины проявляют слабость.

Она развернулась и вышла. Дверь закрылась с мягким щелчком.

Я осталась сидеть на кровати, сжимая плеть, и смотреть, как трое мужчин снова опускаются на колени передо мной.

Эльф с опущенной головой. Орк с дрожащими плечами. Рыцарь с плотно сжатыми губами и глазами, в которых горела ненависть.

— Госпожа, — сказал рыцарь. Голос был низким, скрипучим, как несмазанная дверь. — Вы собираетесь нас ударить или нет? Потому что если нет, то лучше убейте сразу. Я не позволю, чтобы меня забрали в тот дом. Я лучше сдохну.

Я посмотрела на него. На шрам через бровь, на синяк на плече, на сжатые кулаки. И поняла, что он не шутит. Он действительно предпочтёт смерть.

— Я никого не убью, — сказала я. Голос дрогнул, но не сорвался. — И не позволю забрать вас. Я... я что-нибудь придумаю.

Орк поднял голову. В его янтарных глазах было такое изумление, как будто я только что сказала, что умею летать.

— Ты... — начал он и замолчал, потому что эльф коснулся его плеча. Едва заметно, кончиками пальцев, но орк замолчал, как будто ему перекрыли воздух.

— Госпожа, — сказал эльф тихо. — Позвольте нам помочь вам одеться. Скоро принесут завтрак. И... — он запнулся, — если вы позволите, я объясню вам правила. Вы, кажется, забыли. Это бывает после сильного удара по голове. Я не скажу никому. Клянусь.

Я посмотрела на него. На его белые волосы, на серебряные глаза, на тонкие губы, которые чуть дрожали, хотя лицо оставалось спокойным. Он врал. Не мне — себе. Он не ве-

рил, что я просто забыла. Он что-то подозревал. Но он готов был прикрыть меня. Почему?

— Хорошо, — сказала я. — Объясни.

Орк поднялся с колен. Рыцарь остался сидеть на полу, глядя в стену. Эльф подошёл к шкафу в углу комнаты и открыл дверцы. Внутри висели платья. Тёмные, тяжёлые, с корсетами и длинными юбками. И ещё что-то — кожаные ремни, металлические кольца, странные предметы, назначение которых я боялась даже представлять.

— Сначала ритуал, — сказал эльф, вынимая тёмно-синее платье с глубоким вырезом. — Вы должны принять нашу преданность. Это обязательно. Если вы этого не сделаете, магия ослабнет, и вас... — он замолчал, подбирая слово. — Съедят. Другие графини. Они чувствуют слабость. Это как запах крови для акул.

Он подошёл ко мне и положил платье на кровать. Его пальцы снова коснулись моей руки — холодные, сухие, осторожные.

— Ритуал простой, — продолжил он. — Вы садитесь на трон. Мы подходим по одному. Целуем вашу ногу. Вы говорите: «Принимаю». Всё. Это занимает минуту.

— И всё? — спросила я.

— И всё, — подтвердил он. — Но если вы не скажете «принимаю», нас накажут. Сильно. Вы не хотите этого. Мы не хотим этого. Просто скажите слово.

Я кивнула. В горле было сухо, как в пустыне. Орк тем вре-

менем подошёл к изголовью кровати и нажал на какую-то панель в стене. Стена отъехала в сторону, открывая нишу, в которой стояло кресло. Не кресло — трон. Из тёмного дерева, с высокой спинкой, с резными подлокотниками в виде змей. На сиденье лежала подушка из чёрного бархата.

— Садитесь, — сказал эльф. — Пожалуйста.

Я встала с кровати. Ноги были ватными, чужими. Тело двигалось непривычно — тяжелее, медленнее, как будто я была в скафандре. Платье, которое я не заметила раньше, было на мне — длинная белая рубашка, которая едва доходила до колен, с кружевом на вороте. Я не помнила, как она оказалась на мне. Я вообще ничего не помнила.

Я села на трон. Подушка была мягкой, но спинка — жёсткой, и я почувствовала, как холодное дерево касается лопаток через тонкую ткань рубашки.

Эльф опустился на колени первым. Медленно, грациозно, как будто это было не унижение, а танец. Он подполз ко мне на коленях — я сжалась, и остановился у моих ног. Его белые волосы касались моих колен. Он наклонился и прижался губами к моей правой ступне. Поцелуй был долгим, тёплым, и я почувствовала, как от этого прикосновения по ноге прошла волна тепла, поднялась выше, к бедру, к животу. Тело отозвалось. Мокро. Снова мокро.

— Принимаю, — сказала я. Голос дрогнул.

Эльф поднял голову. В его глазах мелькнуло облегчение. Он отполз в сторону и замер, опустив голову.

Орк подошёл вторым. Он не стал опускаться на колени — он просто упал на пол, тяжело, так, что пол дрогнул. Подполз ко мне, и я почувствовала запах его кожи — мускусный, терпкий, с ноткой дыма. Он прижался губами к моей левой ступне. Поцелуй был грубым, горячим, и я почувствовала, как его язык чуть коснулся кожи. Тело снова отозвалось. Я сжала подлокотники трона.

— Принимаю, — сказала я.

Орк поднял голову. В его янтарных глазах блестели слёзы. Он отполз в сторону и сел рядом с эльфом.

Рыцарь подошёл последним. Он не полз. Он шёл. Медленно, тяжело, как будто каждый шаг давался ему с боем. Он остановился передо мной и посмотрел в глаза. В его взгляде была ненависть. И что-то ещё. Что-то, что я не смогла прочитать.

— Принимаю, — сказала я, не дожидаясь, пока он опустится на колени.

Он вздрогнул. Медленно, очень медленно опустился на колени. Прижался губами к моей ступне — коротко, сухо, без тепла. И отполз в сторону.

В комнате стало тихо. Я сидела на троне, смотрела на троих мужчин, которые стояли передо мной на коленях, и чувствовала, как что-то внутри меня меняется. Не ломается — меняется. Как будто я переступила черту, которую не должна была переступать.

А потом дверь открылась, и вошла служанка с подносом.

На подносе была еда — хлеб, сыр, какие-то фрукты, кувшин с вином. И ещё что-то — маленький флакон с тёмной жидкостью.

— Госпожа, — сказала служанка, ставя поднос на стол. — Ваш утренний напиток. И ещё... — она запнулась, — прибыл посланник от леди Ирмы. Она требует ответа до полудня. Насчёт арены.

Я посмотрела на эльфа. Он смотрел на меня. В его глазах было предупреждение.

— Скажи, что я подумаю, — сказала я служанке. — И принеси мне... — я запнулась, — воду. Не вино. Воду.

Служанка удивлённо посмотрела на меня, но кивнула и вышла.

Я откинулась на спинку трона и закрыла глаза. Я не знала, что делать. Не знала, как быть. Не знала, кто я теперь.

Но я знала одно: если я не разберусь, эти трое умрут. И я умру вместе с ними.

Я открыла глаза и посмотрела на эльфа.

— Расскажи мне всё, — сказала я. — Всё, что я должна знать. С самого начала.

Он поднял голову. В его серебряных глазах мелькнула тень горьой улыбки.

— Слушаюсь, Госпожа, — сказал он. — Но сначала вам придётся кое-что сделать. Иначе к полудню мы все будем трупами.

Он посмотрел на плеть, которая лежала на кровати.

— Леди Ирма не примет «я подумаю». Она примет только одно: доказательство, что вы всё ещё Госпожа. Что вы сильны. Что вы можете причинять боль.

Я посмотрела на плеть. Потом на рыцаря. На его шрам. На его сжатые кулаки. На его глаза, в которых горела ненависть.

— Я не могу, — прошептала я.

— Можете, — сказал эльф. — Просто держите крепче. И не думайте. Совсем не думайте. Если вы начнёте думать, вы не сможете. А если не сможете — мы умрём.

Он поднялся с колен. Подошёл к кровати, взял плеть и вложил её мне в руку. Его пальцы сжали мои.

— Я буду считать, — сказал он тихо. — До трёх. На счёт «три» вы ударите. Не сильно. Просто достаточно, чтобы остался след. Рыцарь выдержит. Он сильный. Он выдержит всё.

Я посмотрела на рыцаря. Он смотрел на меня. В его глазах не было страха. Только ненависть. И что-то ещё. Что-то, что я не хотела называть.

— Один, — сказал эльф.

Я сжала плеть. Рукоятка была тёплой от его пальцев. Металлические наконечники блестели.

— Два.

Рыцарь поднял голову. Его губы дрогнули. Он чуть улыбнулся. Горько.

— Три.

Я ударила.

Плеть рассекла воздух с свистом и опустилась на плечо рыцаря. Кожа лопнула. Брызнула кровь. Он не вскрикнул. Только сжал зубы так, что на скулах заиграли желваки. И посмотрел на меня. В его глазах больше не было ненависти. Было что-то другое. Что-то, от чего у меня внутри всё перевернулось.

— Ещё, — сказал он хрипло. — Ещё. Не останавливайся. Иначе она не поверит.

Я ударила снова. И снова. И снова. Плеть свистела, кровь брызгала, и я чувствовала, как что-то внутри меня ломается.

А потом рыцарь застонал. Не от боли.От чего-то другого. И я поняла, что он возбуждён. Что его член, который я видела через тонкую ткань штанов, стоит колом. Что он хочет этого. Что он хочет, чтобы я продолжала.

Я опустила плеть. Рука дрожала. Кровь рыцаря капала на пол — тёмные капли на светлом камне.

— Достаточно, — сказала я. Голос был хриплым. Чужим.

Эльф подошёл ко мне. Взял плеть из моей руки. Его пальцы были холодными. Спокойными.

— Достаточно, — согласился он. — На сегодня. Она поверит. Пока.

Он посмотрел на рыцаря. Тот сидел на полу, тяжело дыша, и кровь стекала по его плечу, капала на пол. Но в его глазах было что-то новое. Что-то, чего не было раньше.

Уважение.

— Ты можешь идти, — сказал эльф рыцарю. — Я обрабо-

таю рану. Госпожа, — он повернулся ко мне, — вам нужно отдохнуть. Скоро придут с ответом от леди Ирмы. Вам нужно быть готовой.

Я кивнула. Встала с трона. Ноги дрожали. Я подошла к кровати и села, глядя на свои руки. На них была кровь. Кровь рыцаря. Я не чувствовала ничего. Только пустоту.

— Госпожа, — сказал эльф тихо. — Вы сделали то, что должны были. Вы спасли нас. На сегодня.

Я подняла на него глаза.

— А завтра? — спросила я. — Что будет завтра?

Он посмотрел на меня. Долго. Молча. Потом сказал:

— Завтра будет то же самое. И послезавтра. И через месяц. Пока вы не станете настоящей Госпожой. Или пока мы не умрём.

Он отвернулся и пошёл к рыцарю. Я осталась сидеть на кровати, глядя на свои окровавленные руки, и чувствовала, как что-то внутри меня умирает, что-то, что я не хотела терять.

Но, может быть, это было необходимо. Может быть, без этого я не выживу.

Я закрыла глаза. И впервые за это утро подумала: а что, если я не хочу выживать? Что, если я хочу просто вернуться домой?

Но дом был далеко. А здесь были трое мужчин, которые смотрели на меня как на богиню. И один из них только что

возбудился от моей руки с плетью.

Я открыла глаза и посмотрела на эльфа. Он обрабатывал рану рыцаря — ловко, быстро, как будто делал это сотни раз. Орк сидел в углу и смотрел на меня. В его янтарных глазах было что-то, от чего у меня пересохло во рту.

Голод.

Я отвернулась. И поняла, что этот день только начинается. И что к вечеру мне придётся сделать что-то, что изменит всё.

Потому что леди Ирма не примет «я подумаю». Она примет только кровь. Или мою. Или их.

Я сжала кулаки. Кровь рыцаря была липкой и тёплой. И в этой теплоте было что-то, что я не хотела признавать.

Возбуждение.

Я хотела этого. Хотела ударить снова. Хотела увидеть, как он стонет. Хотела почувствовать власть.

И это пугало меня больше, чем всё остальное.

Роман участвует в литмобе “Хозяйка гарема рабов”

https://litnet.com/shrt/P0Dl

Ирион Зет
Четыре раба для землянки

Наталья Хитэль

Глава 2 Анатомия этого мира

Я сидела на кровати и смотрела, как эльф перевязывает плечо рыцаря. Тот не издал ни звука, пока эльф промывал раны какой-то жгучей дрянью из маленького пузырька, только желваки на скулах ходили туда-сюда, да пальцы вцепились в колено так, что побелели костяшки. Кровь уже не текла, но края ран были неровными, вспухшими, и при каждом движении эльфа рыцарь чуть заметно вздрагивал.

Орк сидел в углу на полу, поджав под себя ноги. Он не смотрел на меня — он смотрел на рыцаря. В его янтарных глазах было что-то тяжёлое, тёмное, как будто он хотел встать и что-то сделать, но не мог. Может, помочь. Может, ударить. Я не понимала.

— Ты как? — спросила я.

Рыцарь поднял на меня глаза. В них не было благодарности. И не было ненависти. Была усталость. Такая, что я почувствовала её физически, как тяжесть в груди.

— Жить буду, — сказал он коротко. — Не в первый раз.

Эльф закончил с повязкой и встал. Вытер руки о штаны — на них остались тёмные пятна, — и подошёл ко мне. Остановился в двух шагах. Ближе не подходил.

— Госпожа, — сказал он тихо. — Нам нужно поговорить. Пока не пришла надзирательница. У нас мало времени.

Я кивнула. В горле было сухо. Хотелось пить, но кувшин

с водой, который я просила, так и не принесли. Служанка исчезла, как будто её и не было.

— Садись, — сказала я, кивнув на край кровати.

Эльф посмотрел на меня с недоумением. Потом на кровать. Потом снова на меня.

— Госпожа, — сказал он осторожно, — рабам не разрешено сидеть на кровати госпожи. Это... — он запнулся, подбирая слово, — наказуемо.

— Кем? — спросила я.

— Вами, — ответил он просто.

Я вздохнула. Взяла себя в руки. Это было сложно — руки всё ещё дрожали, и запах крови рыцаря стоял в носу, и между ног всё ещё было мокро и горячо, и это бесило больше всего. Тело реагировало на всё, что здесь происходило, как будто оно было настроено на одну волну. На волну боли и власти.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда говори стоя. Но говори быстро.

Эльф кивнул. Он стоял передо мной — прямой, как палка, с опущенными руками. Белые волосы падали на лицо, и он не убирал их. Может, не мог. Может, не хотел.

— Вы задали вопрос, — начал он. — Вчера. После арены. Вы спросили, почему мы не можем просто уйти.

Я не задавала такого вопроса. Я вообще не помнила вчерашнего дня. Но я кивнула.

— И я не успел ответить, — продолжил эльф. — Потому что вы потеряли сознание. Ударились головой. Сильно. Я

думал, вы не выживете.

Он замолчал. Посмотрел на меня. В его серебряных глазах было что-то, что я не могла прочитать. Что-то среднее между надеждой и страхом.

— Госпожа, — сказал он. — Вы помните, кто вы?

Я открыла рот. И закрыла. Потому что не помнила. Не помнила ни имени, ни лица, ни прошлого. Только своё настоящее имя — Анна. И то, что я не отсюда. Что я из другого мира, где нет рабов, нет магии, нет графинь с плетями. Где я была обычной женщиной. С обычной жизнью. С обычными проблемами.

— Нет, — сказала я честно. — Не помню.

Эльф выдохнул. Медленно, как будто выпустил из лёгких весь воздух. Его плечи чуть опустились.

— Хорошо, — сказал он. — Это... это объясняет многое.

— Что именно? — спросила я.

Он не ответил. Вместо этого он опустился на колени — снова, опять, как будто это было единственное положение, которое он знал. И заговорил. Быстро, тихо, глядя в пол.

— Этот мир называется Тар-Аннор, — сказал он. — Им правят женщины. Всегда правили. Магия в этом мире — женская. Мужчины не могут колдовать. Совсем. Но магия не рождается сама по себе. Она питается... — он запнулся, — эмоциями. Сильными. Самой сильной эмоцией является боль. Чужая боль. Когда женщина причиняет боль мужчине, она забирает его силу. Его жизнь. Его магию. Чем сильнее

боль — тем больше силы.

Я слушала. И чувствовала, как внутри всё сжимается.

— Поэтому здесь есть рабы, — продолжил эльф. — Мужчин с детства учат, что их предназначение — служить женщинам. Терпеть боль. Отдавать силу. Тех, кто не может — убивают. Или продают в публичные дома. Для мужчин. — Он чуть запнулся на последних словах. — Это хуже смерти. Там мужчин используют до тех пор, пока они не сломаются окончательно. А потом убивают.

— А если женщина не хочет? — спросила я. — Если она не хочет причинять боль?

Эльф поднял голову. В его глазах была тоска. Такая глубокая, что у меня защемило в груди.

— Тогда она теряет магию, — сказал он. — Медленно, но верно. И становится слабой. А слабых женщин в этом мире убивают. Или отдают в рабство. К другим женщинам. Более сильным. — Он помолчал. — Ваша предшественница была сильной. Очень сильной. Она убила троих рабов за месяц. Мы были следюими. Она умерла от... — он запнулся, — от несчастного случая. Упала с лестницы. Вы заняли её место. Так бывает. Когда женщина умирает, её тело занимает другая душа. Из другого мира. Если повезёт.

Я смотрела на него. На его белые волосы, на серебряные глаза, на тонкие губы, которые дрожали. И понимала, что он не врёт. Что всё это — правда. Что я действительно попала в другой мир. В тело графини. В мир, где боль — это топливо.

Где доброта — это смерть.

— Почему ты мне это рассказываешь? — спросила я. — Ты мог бы соврать. Мог бы использовать меня. Я ничего не помню. Я беспомощна.

Эльф чуть улыбнулся. Горько. Как в первый раз.

— Потому что вы не такая, — сказал он. — Вы ударили рыцаря. Один раз. И остановились. Прежняя графиня не остановилась бы. Она била бы до тех пор, пока он не потерял сознание. А потом продолжила бы. Вы — другая. Я не знаю, чем это кончится. Но я хочу знать. Поэтому я говорю вам правду.

Я молчала. В комнате было тихо. Только слышно было, как орк сопит в углу, да рыцарь изредка морщится, когда повязка натирает рану.

— Что будет, если я не стану Госпожой? — спросила я.

Эльф долго смотрел на меня, потом сказал:

— Вас убьют. Через неделю. Может, через две. Соседние графини почувствуют, что вы слабы. Они придут. И заберут всё. Замок. Земли. Нас. — Он помолчал. — А нас... нас либо убьют, либо продадут. В тот самый публичный дом. Потому что мы — рабы сильной госпожи. Мы привыкли к боли. Мы не сломаемся сразу. А это... это ценится.

Я закрыла глаза. В голове было пусто и страшно. И ещё что-то — злость. На себя. На мир. На то, что я оказалась здесь среди этих троих, которые смотрели на меня как на единственную надежду.

— Я не могу, — сказала я. — Я не могу бить людей. Я не могу причинять боль. Я не такая.

— Вы уже ударили, — сказал эльф тихо. — И не один раз. И вы остановились. Это больше, чем могла бы сделать любая другая на вашем месте. — Он помолчал. — Госпожа, я не прошу вас быть жестокой. Я прошу вас быть умной. Есть разница.

Я открыла глаза. Посмотрела на него.

— Какая?

— Жестокость — это когда ты бьёшь, потому что тебе нравится, — сказал он. — Ум — это когда ты бьёшь, потому что иначе не выжить. Вы можете не любить это. Вы можете ненавидеть это. Но вы должны делать это. Иначе мы все умрём.

Он встал с колен. Подошёл к рыцарю. Тот сидел на полу, привалившись спиной к стене, и смотрел на меня. В его глазах больше не было ненависти.

— Она не станет, — сказал рыцарь хрипло. — Посмотри на неё. Она трясётся. Она не сможет. Мы умрём.

— Замолчи, — сказал эльф.

— Нет, — рыцарь поднял голову. — Она должна знать. Если она не сможет — нам конец. Я не хочу умирать в том доме. Я лучше убью себя сам. И её. И тебя. И орка. Всех. Лучше смерть, чем позор.

Он сказал это спокойно, как факт. И я поняла, что он не шутит. Что он действительно предпочтёт убить всех, вклю-

чая себя, чем попасть в публичный дом для мужчин.

Орк зашевелился в углу. Поднялся. Тяжело, медленно, как будто каждое движение давалось ему с трудом. Он подошёл ко мне. Остановился в шаге. Опустился на колени , но не так, как эльф. Он не склонил голову. Он смотрел на меня прямо в глаза.

— Госпожа, — сказал он. Голос был низким, как раскат грома. — Я не хочу умирать. Я хочу жить. И я хочу, чтобы ты жила. Поэтому я сделаю всё, что скажешь. Всё. — Он помолчал. — Только не бросай нас. Пожалуйста.

Он наклонился вперёд. И коснулся лицом моего бедра. Просто прижался. Как животное. Как будто искал тепло. Защиту. Что-то, чего у него никогда не было.

И я почувствовала, как моя рука сама поднимается. Как пальцы касаются его волос. Жёстких, спутанных, но тёплых. Он вздрогнул. И прижался сильнее.

— Я не брошу, — сказала я. — Обещаю.

Слова вышли сами. Я не думала их говорить. Но они были правдой. Я не знала, как выжить в этом мире. Не знала, как стать Госпожой. Но я знала, что не брошу их. Этих троих. Которые смотрели на меня как на последнюю надежду.

Орк поднял голову. В его глазах блестели слёзы. Он улыбнулся. Широко, открыто, как ребёнок. И в этой улыбке было столько благодарности, что у меня защемило в груди.

И я поняла, что теперь всё изменилось. Что я переступила черту. Что обратной дороги нет.

— Хорошо, — сказала я. Голос был хриплым. Чужим. — Я буду вашей Госпожой. Но по-своему.

Эльф чуть улыбнулся. Горько. Устало. Но настоящей улыбкой.

— По-своему, — повторил он. — Это может быть опасно. Для всех нас.

— Знаю, — сказала я. — Но по-другому я не умею.

Он кивнул. Медленно. Как будто принял решение. Как будто поверил.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда нам нужно многое успеть. До заката. Потому что леди Ирма не будет ждать. И если мы не покажем ей, что вы сильны — она придёт. И тогда...

Он не договорил, но я поняла и без слов.

За окном стемнело. День пролетел незаметно. Я не ела. Не пила. Только слушала. Эльф говорил. Рыцарь добавлял. Орк молчал, но смотрел на меня так, как будто я была солнцем.

А потом дверь открылась. И вошла надзирательница. В чёрном. С плетью в руке.

— Графиня, — сказала она ровно. — Леди Ирма ждёт ответа. Что ей передать?

Я встала с кровати. Ноги дрожали. Но я выпрямилась. И посмотрела ей в глаза.

— Передай, — сказала я, — что я принимаю приглашение. Завтра. На арене. Я покажу ей, кто здесь Госпожа.

Надзирательница чуть приподняла бровь. Едва заметно.

Но в её глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Хорошо, — сказала она. — Я передам.

Она развернулась и вышла. Дверь закрылась.

Я посмотрела на своих рабов. На эльфа. На рыцаря. На орка. Все трое смотрели на меня. В их глазах было что-то новое. Надежда.

— Готовьтесь, — сказала я. — Завтра будет тяжело.

Эльф кивнул. Рыцарь усмехнулся. Орк улыбнулся.

— Мы готовы, — сказал эльф. — Мы всегда готовы. Вопрос в том — готова ли ты?

Я не ответила. Потому что не знала. Не знала, смогу ли. Не знала, выживу ли. Не знала, не сломаюсь ли.

Но я знала одно: я не брошу их. Никого. Никогда.

Даже если для этого мне придётся стать той, кем я никогда не хотела быть.

Я подошла к окну. За ним был чёрный лес. И луна. Такая же, как дома. Но дом был далеко, а здесь был только этот замок, эти трое и завтрашний день, который мог стать последним.

Я закрыла глаза. И впервые за это время позволила себе подумать: а что, если я смогу? Что, если я действительно смогу стать Госпожой? Не жестокой. Не садисткой. Но сильной. Такой, которая защитит. Такой, которая выживет.

Я открыла глаза. И посмотрела на своё отражение в тёмном стекле. На чужое лицо. На чужие глаза. На чужую жизнь.

— Я справлюсь, — сказала я вслух. — Я справлюсь.

И в этот момент где-то в глубине замка раздался крик. Женский. Полный боли и ужаса.

Я обернулась. Эльф уже стоял у двери. Рыцарь поднялся с пола. Орк сжал кулаки.

— Что это? — спросила я.

Эльф посмотрел на меня. В его глазах был страх.

— Это не наша территория, — сказал он. — Это крыло леди Ирмы. Она кого-то наказывает. Прямо сейчас. За то, что мы не подчинились. Она показывает нам, что будет, если мы не сломаемся.

Крик повторился. Громче. Ближе.

Я сжала кулаки. И поняла, что завтра не просто день. Завтра — битва. И я не знала, выиграю ли.

Но я знала, что буду драться. До конца.

— Готовьтесь, — повторила я. — У нас мало времени.

И в этот момент дверь снова открылась. Но это была не надзирательница.

Это была леди Ирма. Собственной персоной. С улыбкой на губах. И с чем-то в руке. Что-то маленькое. Металлическое. Блестящее.

— Графиня, — сказала она. — Я передумала ждать. Давай поговорим. Сейчас.

Глава 3 Проверка на прочность

Леди Ирма вошла в комнату так, как будто это был её собственный замок. Высокая, худая, с волосами цвета старого золота, уложенными в сложную причёску, она двигалась медленно, лениво, как кошка, которая знает, что мышь никуда не денется. На ней было тёмно-бордовое платье с корсетом, который подчёркивал узкую талию и высокую грудь, и я невольно отметила, что она красива. По-своему. Холодной, опасной красотой.

В руке она держала что-то маленькое. Металлическое. Я разглядела только блеск, прежде чем она сжала пальцы и спрятала предмет в складках платья.

— Графиня Анна, — сказала она, растягивая слова. — Я наслышана о твоей... нестабильности. Говорят, ты ударилась головой. Говорят, ты забыла, кто ты. Говорят, твои рабы вчера отказались драться, а ты не наказала их как следует. — Она улыбнулась. Улыбка была холодной, как лёд. — Я пришла проверить. Своими глазами.

Эльф стоял у двери. Я видела, как напряглись его плечи. Рыцарь поднялся с пола — медленно, опираясь на стену, потому что плечо ещё болело. Орк замер в углу, и его янтарные глаза следили за каждым движением леди Ирмы, как у зверя, который ждёт команды.

— Я не ударилась головой, — сказала я. Голос дрогнул,

но я выпрямилась. — И мои рабы подчиняются мне. Всегда.

Леди Ирма чуть приподняла бровь. Посмотрела на рыцаря. На его перевязанное плечо. На кровь, которая проступила через повязку.

— Вижу, — сказала она. — Один удар. Один. И ты остановилась. Прежняя графиня не остановилась бы. Прежняя графиня била, пока не сломает хребет. — Она подошла ближе. Я почувствовала запах её духов — что-то цветочное, приторное, с металлической ноткой. — Ты слаба. Я чувствую это. Твоя магия... — она прищурилась, — она едва теплится. Как свеча на ветру. Один порыв — и всё.

Она сделала ещё шаг. Теперь она стояла так близко, что я могла разглядеть морщинки у её глаз и тёмные корни волос, не закрашенные краской.

— Завтра, — сказала она тихо, — ты выйдешь на арену. Со своими рабами. И ты покажешь мне, что ты всё ещё Госпожа. Если нет... — она улыбнулась снова, — я заберу их. И тебя. И буду делать с вами всё, что захочу. Долго. Очень долго.

Она развернулась и пошла к двери. У порога остановилась. Обернулась через плечо.

— Кстати, — сказала она. — Твой эльф. Он красивый. Я всегда хотела эльфа. Если ты не справишься, я заберу его первым. И сделаю с ним такое, что он будет умолять о смерти. — Она улыбнулась. — До завтра, графиня.

Дверь закрылась. Тишина в комнате стала густой, как па-

тока.

Я стояла, не двигаясь. Ноги дрожали. Руки дрожали. Внутри всё сжалось в один тугой комок.

— Госпожа, — сказал эльф. Голос был ровным, но я слышала напряжение. — Она не шутит. Она действительно заберёт нас и тебя. Она сильнее. Намного сильнее.

— Знаю, — сказала я.

— Что будем делать? — спросил рыцарь. Он отошёл от стены. Его лицо было мрачным. — Она вернётся. Утром с солдатами или с магией. Или с тем и другим.

Я посмотрела на них. На эльфа, который стоял у двери, как часовой. На рыцаря, который сжимал кулаки, как будто готовился драться. На орка, который смотрел на меня с такой преданностью, что у меня защемило в груди.

— Сначала, — сказала я, — мы поедим.

Они уставились на меня. Все трое.

— Что? — переспросил эльф.

— Я сказала: мы поедим, — повторила я. — Я голодна. Вы голодны. Мы не можем драться на пустой желудок. Я прикажу принести еду. И мы сядем за стол. Все вместе.

Тишина стала ещё гуще. Эльф побледнел. Рыцарь прищурился. Орк перестал дышать.

— Госпожа, — сказал эльф медленно, как будто говорил с ребёнком, — рабам не разрешено сидеть за столом госпожи. Это... — он запнулся, — это осквернение. Если нас увидят — нас сожгут на костре прилюдно. Это закон.

— Чей закон? — спросила я.

— Закон этого мира, — ответил он. — Закон, который существует тысячу лет. Закон, который...

— Мне плевать, — сказала я. — Я не из этого мира. Помнишь? Я забыла всё. Но я помню, что в моём мире люди едят вместе. И я хочу есть. И вы будете есть со мной.

Эльф сжал челюсти. Я видела, как на его скулах заиграли желваки. Впервые за всё время его лицо не было спокойным. Он был в ярости.

— Ты не понимаешь, — сказал он резко. — Ты не понимаешь, что делаешь! Если нас увидят — нас убьют. Тебя — может быть, простят. Может быть, накажут. Но нас — убьют. Всех троих. Потому что мы — рабы. Мы — вещи. Вещи не едят за столом госпожи. Вещи едят с пола. Из миски. Как собаки.

Он замолчал. Тяжело дышал. Его серебряные глаза горели.

— Ты хочешь, чтобы нас убили? — спросил он тихо. — Ты этого хочешь?

Я посмотрела на него. На его белые волосы, которые дрожали от напряжения. На его тонкие губы, которые сжались в линию. На его руки, которые сжались в кулаки.

— Нет, — сказала я. — Я не хочу, чтобы вас убили. Я хочу, чтобы вы жили. Но я не могу жить в мире, где люди едят с пола. Я не могу. Прости.

— Тогда ты умрёшь, — сказал он. — И мы умрём вместе

с тобой.

Он отвернулся. Подошёл к окну. Встал, глядя на чёрный лес. Его спина была напряжена, как тетива.

Рыцарь хмыкнул. Подошёл ко мне. Остановился в шаге. Посмотрел сверху вниз. В его глазах было что-то новое. Что-то, чего я не видела раньше. Уважение? Нет. Что-то другое.

— Ты или самая смелая женщина, которую я видел, — сказал он, — или самая глупая. Я ещё не решил.

— Я тоже, — сказала я честно.

Он чуть улыбнулся. Уголком губ. Едва заметно. Но это была улыбка.

— Ладно, — сказал он. — Я сяду за твой стол. Если ты обещаешь, что не дашь нас убить. Если нет — я лучше сам перережу себе глотку. Быстрее, чем это сделают они.

Я кивнула. Посмотрела на орка.

Он всё ещё стоял в углу. Смотрел на меня. В его янтарных глазах было что-то, от чего у меня пересохло во рту. Что-то тёмное. Голодное. Он не сказал ни слова. Но я чувствовала, что он думает.

Он думал, что я слаба. Что я не смогу. Что я играю в игру, которую не понимаю.

И он был прав. Но я собиралась доказать ему обратное.

— Орк, — сказала я. — Ты сядешь за стол?

Он не ответил. Медленно, очень медленно, он поднялся с пола. Подошёл ко мне. Остановился так близко, что я почувствовала запах его кожи. Мускусный. Терпкий. Знакомый.

Тот самый запах, который был на моих губах. Во рту. В горле.

Он посмотрел на меня. Потом протянул руку и взял меня за волосы. Резко. Больно. Притянул к себе. Я вскрикнула — от неожиданности, не от боли. Его лицо было в сантиметре от моего. Я чувствовала его дыхание. Горячее. Быстрое.

— Ты хочешь играть в Госпожу? — спросил он тихо. — Тогда играй. Но если ты слаба — я сломаю тебя. Я не буду ждать, пока это сделает леди Ирма. Я сделаю это сам. Потому что я не хочу умирать из-за женщины, которая не может даже ударить как следует.

Его пальцы сжали мои волосы сильнее. Я почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы. Не от боли. От унижения. От страха. От чего-то ещё, что я не хотела признавать.

— Отпусти, — сказала я.

Он не отпустил. Он смотрел на меня. Ждал. Проверял.

— Отпусти, — повторила я. Громче. Твёрже.

Он чуть улыбнулся. И отпустил. Но не отступил. Он стоял, глядя на меня сверху вниз, как будто ждал, что я сделаю.

Рыцарь стоял в стороне. Смотрел. Не вмешивался. Эльф у окна не обернулся. Но я чувствовала, что он слушает. Что он ждёт.

— Покажи ему, кто здесь Госпожа, — сказал рыцарь холодно. — Или я сделаю это сам. И поверь, моя рука тяжелее твоей.

Я посмотрела на орка. На его широкую грудь. На его руки,

которые могли сломать меня пополам. На его орган, который снова начал подниматься, наливаясь тяжестью под штанами.

Он хотел, чтобы я его ударила. Хотел, чтобы я показала силу. Хотел, чтобы я доказала, что я Госпожа.

Но я не могла. Не могла ударить. Не могла причинить боль. Это было не во мне. Не в моём мире. Не в моей жизни.

И тогда я вспомнила.

Я работала с собаками. В приюте. Три года. Я знала, что сила — это не всегда удар. Иногда сила — это лишение. Иногда сила — это ожидание. Иногда сила — это контроль.

Я посмотрела на орка. И сказала:

— Эльф. Рыцарь. Выйдите.

Эльф обернулся. Рыцарь приподнял бровь.

— Госпожа? — переспросил эльф.

— Выйдите, — повторила я. — Закройте дверь. И не входите, пока я не позову.

Они переглянулись. Потом посмотрели на орка. Потом снова на меня.

— Он может тебя убить, — сказал рыцарь ровно. — Одним движением.

— Знаю, — сказала я. — Выйдите.

Эльф медленно, очень медленно пошёл к двери. Рыцарь за ним. У порога эльф остановился. Обернулся.

— Госпожа, — сказал он тихо. — Если ты не сможешь... если он нападёт... кричи. Мы придём. Даже если это будет стоить нам жизни.

Я кивнула. Дверь закрылась. Щёлкнул замок.

Мы остались одни. Я и орк.

Он смотрел на меня. В его глазах было что-то новое. Настороженность. Он не понимал, что происходит.

— Ты хочешь драться? — спросил он.

— Нет, — сказала я.

— Тогда что?

Я подошла к кровати. Села. Посмотрела на него.

— Ты хочешь, чтобы я ударила тебя, — сказала я. — Хочешь, чтобы я показала силу. Хочешь, чтобы я доказала, что я Госпожа.

Он не ответил. Но в его глазах мелькнуло что-то похожее на подтверждение.

— Я не буду тебя бить, — сказала я. — Я не умею. И не хочу. Но я докажу тебе, что я сильнее.

Он чуть улыбнулся. Скептически. Недоверчиво.

— Как? — спросил он.

Я встала. Подошла к стулу, который стоял у стены. Придвинула его к центру комнаты. Села. Посмотрела на орка.

— Сядь, — сказала я, кивнув на пол перед собой.

Он не двинулся. Стоял. Смотрел.

— Сядь, — повторила я. — Или уходи. Но если уйдёшь — не возвращайся.

Он смотрел на меня долго. Потом медленно, очень медленно, опустился на пол. Сел. Скрестив ноги. Его член всё ещё был твёрдым. Он не пытался его скрыть.

— Хорошо, — сказала я. — Теперь слушай. Ты хочешь доминировать. Хочешь контролировать. Хочешь, чтобы я доказала, что я сильнее. Я докажу. Но не болью. Не плетью. Не криком.

Я встала. Подошла к двери. Проверила замок. Закрыто. Вернулась. Встала перед ним. Медленно, очень медленно, я начала расстёгивать платье.

Он смотрел. Его глаза расширились. Дыхание стало быстрее.

Я сняла платье. Осталась в одной рубашке. Тонкой. Белой. Просвечивающей. Я видела, как его взгляд скользнул по моей груди. По соскам, которые проступили через ткань. По животу. По бёдрам.

Я села обратно на стул. Раздвинула ноги. Медленно. Так, чтобы он видел.

— Ты хочешь меня, — сказала я. — Я знаю. Но сегодня ты не получишь ничего.

Я провела рукой по груди. По животу. Опустила руку между ног. Он смотрел. Не дышал. Его орган пульсировал.

— Ты хочешь? — спросила я. — Посмотри, как я доминирую над самой собой. Это единственное, что ты получишь сегодня.

Я начала ласкать себя. Медленно. Глядя ему в глаза. Я чувствовала, как влага собирается между пальцами. Как тело отзывается. Как что-то внутри сжимается и разжимается.

Орк смотрел. Его руки сжались в кулаки. Его дыхание ста-

ло тяжёлым, хриплым. Он подался вперёд. Но не встал. Не прикоснулся.

— Ты хочешь? — спросила я. — Хочешь меня?

— Да, — прохрипел он.

— Тогда смотри, — сказала я. — Смотри и не смей трогать.

Я продолжала. Медленно. Долго. Я доводила себя до края и останавливалась. Снова и снова. Я видела, как он страдает. Как его ствол стоит, налитый кровью. Как его пальцы скребут пол. Как он стонет.

— Госпожа, — прошептал он. — Пожалуйста.

— Что «пожалуйста»? — спросила я.

— Позволь... позволь мне...

— Нет, — сказала я. — Ты хотел доминировать. Ты хотел проверить меня. Ты получил ответ. Я сильнее. Я контролирую. Я решаю. Ты — нет.

Я довела себя до оргазма. Медленно. Глядя ему в глаза. Я кончила с его именем на губах — не с именем, с рычанием. И он смотрел. Как я содрогаюсь. Как я стону. Как я сжимаюсь вокруг своих пальцев.

А потом я встала. Вытерла руку о рубашку. Посмотрела на него.

— Ты можешь кончить, — сказала я. — Но только руками.

Он не двинулся. Смотрел на меня. В его глазах было что-то, чего я не видела раньше. Слом. Не полный. Но трещина. Трещина в его вере в то, что он сильнее.

— Я не буду, — сказал он хрипло. — Я хочу тебя. Только тебя.

— Тогда жди, — сказала я. — Жди, пока я не решу, что ты заслужил.

Я подошла к двери. Открыла. Эльф и рыцарь стояли в коридоре. Оба смотрели на меня. Эльф — с чем-то похожим на удивление. Рыцарь — с чем-то похожим на уважение.

— Входите, — сказала я. — Ужин. Мы едим вместе.

Они вошли. Посмотрели на орка, который сидел на полу, тяжело дыша, с твёрдым членом и сломленным взглядом. Потом на меня.

— Что ты с ним сделала? — спросил рыцарь.

— Ничего, — сказала я. — Просто показала, кто здесь Госпожа.

Эльф посмотрел на орка. Потом на меня. В его глазах мелькнуло что-то новое. Что-то, что я не могла прочитать.

— Ты опаснее, чем я думал, — сказал он тихо.

— Я знаю, — сказала я.

Я подошла к столу. Служанка уже принесла еду — хлеб, сыр, фрукты, жареное мясо. Пахло так, что у меня закружилась голова. Я села. Посмотрела на них.

— Садитесь, — сказала я. — Все. За стол.

Эльф помедлил. Рыцарь усмехнулся и сел первым. Орк поднялся с пола. Медленно. Тяжело. Сел напротив меня. Его взгляд не отрывался от моего лица.

Эльф сел последним. Он всё ещё смотрел на меня с насто-

роженностью. Но в его глазах было что-то ещё. Что-то, что я не хотела называть.

Мы ели молча. Я чувствовала на себе их взгляды. Все трое смотрели на меня. И я знала, что теперь всё изменилось. Что они увидели во мне что-то, чего не видели раньше. Что-то, что пугало их. И притягивало.

А потом дверь открылась. И вошла надзирательница. В чёрном. С плетью. И с чем-то в руке. Бумага. Свиток.

— Графиня, — сказала она ровно. — Леди Ирма прислала условия. Завтрашний бой. Если ты выиграешь — она оставит тебя в покое на месяц. Если проиграешь — она забирает всё. Замок. Земли. Рабов. И тебя. — Она положила свиток на стол. — Читай. И готовься. У тебя одна ночь.

Она развернулась и вышла. Дверь закрылась.

Я развернула свиток. Прочитала. И почувствовала, как кровь отливает от лица.

— Что там? — спросил рыцарь.

Я посмотрела на него. На эльфа. На орка. На трёх мужчин, которые смотрели на меня с надеждой.

— Завтра, — сказала я, — мы выходим на арену. Все четверо. Мы должны драться. С рабами леди Ирмы. До смерти. — Я помолчала. — Или до победы.

Тишина в комнате стала звенящей.

— До смерти? — переспросил эльф.

— До смерти, — подтвердила я.

Орк улыбнулся. Широко. Открыто. Как ребёнок.

— Хорошо, — сказал он. — Я готов.

Рыцарь кивнул. Медленно. Эльф закрыл глаза. Потом открыл.

— Мы будем драться, — сказал он тихо. — Но не за неё. За тебя.

Он посмотрел на меня. И в его глазах я увидела что-то, чего не видела раньше. Что-то, от чего у меня перехватило дыхание.

— За тебя, — повторил он. — Потому что ты — наша Госпожа. Настоящая.

Я смотрела на них. На троих мужчин, которые готовы были умереть за меня. И чувствовала, как что-то внутри меня меняется. Ломается. Собирается заново.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда слушайте. У нас одна ночь. И я не собираюсь тратить её на сон.

Я встала. Посмотрела на них. На эльфа. На рыцаря. На орка.

— Мы будем тренироваться, — сказала я. — Всю ночь. До рассвета. Потому что завтра мы победим или умрём, но не сдадимся.

Орк поднялся первым. Рыцарь за ним. Эльф последним. Они стояли передо мной. Трое. Готовые. Ждущие.

И я поняла, что теперь я не одна. Что у меня есть они. И что это — самое опасное, что могло случиться. Потому что теперь мне было что терять.

— Начнём, — сказала я. — Покажем леди Ирме, что значит настоящая Госпожа.

И в этот момент где-то в замке снова раздался крик. Но на этот раз это был не крик боли.

Это был смех. Леди Ирма смеялась. Громко. Долго. Как будто знала что-то, чего не знала я.

Я сжала кулаки и поклялась, что завтра она перестанет смеяться. Навсегда.

Глава 4 Первая кровь

Я не спала всю ночь.

Мы тренировались до рассвета — в тёмном зале, где эльф учил меня держать меч, а рыцарь показывал, как уклоняться от удара. Орк стоял в стороне и смотрел. Он не тренировался. Он просто смотрел на меня. И в его глазах было что-то, от чего у меня пересыхало во рту.

К утру я едва держалась на ногах. Мышцы горели, ладони были стёрты до крови, а между ног всё ещё пульсировало воспоминание о вчерашнем. О том, как я ласкала себя, глядя в его глаза. О том, как он смотрел. О том, как он не посмел прикоснуться.

Мы вышли на арену, когда солнце только поднялось над горизонтом. Арена была огромной — круглая площадка из утрамбованной земли, обнесённая высоким каменным забором. На трибунах сидели женщины. Много. Все в тёмных платьях, все с холодными лицами. Они смотрели на нас, как на мясо. И я чувствовала их взгляды.

Леди Ирма сидела в центре. В первом ряду. Улыбалась. Рядом с ней на коленях стояли четверо рабов. Все — мужчины. Все — обнажённые. Все — в ошейниках. Я видела кровь на их бёдрах. Свежую. Они уже получили свою порцию боли. И теперь ждали, когда мы выйдем на арену.

— Графиня Анна, — сказала леди Ирма, поднимаясь. Го-

лос был громким, хорошо поставленным. — Я рада, что ты пришла. Я уже начала думать, что ты струсила.

Я не ответила. Я смотрела на её рабов. На их тела. На их глаза. Пустые. Мёртвые. И понимала, что если я проиграю — мои будут такими же. Или хуже.

— Правила простые, — продолжила леди Ирма. — Твой гарем против моего. Пока один из вас не сдастся. Или не умрёт. — Она улыбнулась. — Ты можешь использовать магию. Я тоже. Всё честно.

Она махнула рукой. Её рабы поднялись. Четверо. Огромные. С кнутами. С ножами. С глазами, в которых не было ничего, кроме приказа.

— Начинайте, — сказала леди Ирма.

И всё началось.

Рыцарь рванулся вперёд. Меч, который он держал в руке, сверкнул на солнце. Орк зарычал и бросился на ближайшего раба — с голыми руками, потому что ему не дали оружия. Эльф отступил назад, в тень, и я поняла, что он ждёт. Что он не собирается драться в открытую.

А я стояла. Смотрела. И чувствовала, как магия — та самая, которая едва теплилась во мне — начинает пульсировать. Медленно. Горячо. Она хотела выйти. Хотела питаться. Болью. Кровью. Страхом.

Рыцарь дрался, как зверь. Он был быстр, точен, беспощаден. Один из рабов леди Ирмы упал с распоротым животом. Второй отступил, прижимая руку к разрубленному плечу. Но

третий — самый большой — ударил рыцаря кнутом по лицу. Кровь брызнула. Рыцарь пошатнулся.

Орк схватил четвёртого раба за горло. Поднял. Тот хрипел, дёргался, царапал воздух. Орк сжал сильнее. Что-то хрустнуло. Тело обмякло. Орк отбросил его в сторону, как тряпку.

Леди Ирма не двинулась. Она смотрела. Улыбалась.

— Неплохо, — сказала она. — Но недостаточно.

Она подняла руку. И я почувствовала, как что-то ударило меня в грудь. Магия. Её магия. Холодная, острая, как нож. Я пошатнулась. В глазах потемнело.

— Госпожа! — крикнул эльф.

Он бросился ко мне. Но не успел. Леди Ирма ударила снова. На этот раз — по моим рабам. Рыцарь упал. Орк застонал. Эльф замер, как вкопанный.

— Видишь? — сказала леди Ирма. — Твоя магия слаба. Твои рабы не обучены. Ты не Госпожа. Ты — самозванка.

Я стояла на коленях. Кровь текла из носа. Я чувствовала, как магия уходит. Медленно. Как вода сквозь пальцы.

И тогда я поняла.

Я не могу победить её магией. Она сильнее. Намного. Но я могу победить по-другому.

Я посмотрела на орка. Он лежал на земле, тяжело дыша. Кровь текла из его разбитой губы. Но он смотрел на меня. Ждал.

Я поднялась. Шатаясь. Подошла к нему. И взяла плеть,

которая лежала на земле. Ту самую, которой я ударила рыцаря. Ту самую, которую я ненавидела.

— Госпожа? — прошептал орк.

— Молчи, — сказала я.

Я размахнулась. И ударила. По его бедру. Прямо по мышце. Кожа лопнула. Кровь брызнула. Орк вскрикнул — но не от боли. От облегчения. Я видела это. Видела, как его тело выгнулось, как из горла вырвался стон, который был не болью, а благодарностью.

И магия хлынула в меня. Горячая. Тяжёлая. Голодная. Она потекла по венам, как расплавленный металл. Я почувствовала, как силы возвращаются. Как слабость уходит. Как что-то внутри меня просыпается. Что-то тёмное. Что-то, что я не хотела знать.

Леди Ирма перестала улыбаться.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— То, что должна, — сказала я.

Я ударила снова. Орк закричал.

Он упал лицом вниз. Тяжело дышал. Его спина вздрагивала.

Я стояла над ним. С плетью в руке. С кровью на ногах. И чувствовала, как магия наполняет меня до краёв. Как она пульсирует в висках. В груди. Между ног.

— Встань, — сказала я.

Орк поднял голову. В его глазах были слёзы. Но не от боли. От чего-то другого.

— Госпожа, — прошептал он. — Позволь... позволь мне...

— Что? — спросила я.

— Позволь коснуться, — сказал он. — Твоей ноги. Пожалуйста. Я хочу... я хочу почувствовать тебя. Хоть раз. Не во сне. Не в мыслях. По-настоящему.

Я посмотрела на него. На его разбитое лицо. На его кровь. На его слёзы. И поняла, что это не игра. Что это не проверка. Что это — мольба. Настоящая. Отчаянная.

Я протянула руку. Он взял её. Медленно, осторожно, как будто боялся, что я исчезну. Прижался губами к моим пальцам. Которые были в его семени. И слизал. Медленно. Один палец. Второй. Третий.

Я смотрела на это. И чувствовала, как что-то внутри меня сжимается. И разжимается. И снова сжимается. Волна. Тёплая. Горячая. Я кончила. Прямо там. Стоя над ним. С плетью в руке. С его губами на своих пальцах. Без единого прикосновения к себе.

Это была магия. Не просто оргазм. Не просто разрядка. Это было что-то большее. Что-то, что связало нас. Меня и его. Навсегда.

Я опустилась на колени. Рядом с ним. Посмотрела в его глаза.

— Ты мой, — сказала я. — Теперь по-настоящему. Ты понял?

Он кивнул. Медленно. Благоговейно.

— Да, — сказал он. — Я твой. Навсегда.

Я встала. Посмотрела на леди Ирму. Она смотрела на меня. В её глазах больше не было улыбки. Было что-то другое. Страх.

— Ты... — начала она.

— Замолчи, — сказала я. Голос был низким. Чужим. — Я победила. По твоим правилам. Ты сказала: пока один не сдастся. Твой раб сдался. Мёртв. Трое других ранены. Мои — стоят. Значит, я выиграла.

Леди Ирма сжала кулаки. Её лицо побелело.

— Ты заплатишь за это, — сказала она тихо. — Я не забуду.

— Запомни, — сказала я. — И передай остальным. Кто придёт за мной — умрёт. Кто придёт за моими рабами — умрёт. Кто просто подумает об этом — пожалеет.

Я развернулась. Посмотрела на своих. Рыцарь стоял, опираясь на меч. Кровь текла по его лицу, но он улыбался. Эльф вышел из тени. Смотрел на меня. В его глазах было что-то, чего я не видела раньше. Благоговение. Орк поднялся с земли. Шатаясь. Но поднялся. И встал рядом со мной.

— Идём, — сказала я. — Домой.

Мы пошли. Через арену. Мимо трибун. Мимо женщин, которые смотрели на нас. Молча. Мимо леди Ирмы, которая стояла, сжав кулаки, и смотрела нам вслед.

Я вернулась в замок. Одна. Оставив их позади. Потому что мне нужно было подумать. Нужно было понять. Что я чувствую. Что я хочу. Что я буду делать.

Я поднялась в свою комнату. Закрыла дверь. Села на кровать. Посмотрела на свои руки. На них была кровь. Не моя. Его.

И я поняла, что это только начало. Что впереди будет больше. Больше боли. Больше крови. Больше страсти. И что я уже не могу остановиться.

Потому что магия проснулась. И она хотела ещё.

Я легла на кровать. Закрыла глаза. И впервые за всё время подумала: а что, если я останусь здесь? Что, если это мой дом? Что, если эти трое — моя семья?

Я открыла глаза. Посмотрела в потолок. На голубые прожилки, которые пульсировали в такт с моим сердцем.

— Нет, — сказала я вслух. — Я не останусь. Я найду способ вернуться. Я найду.

Но даже когда я говорила это, я знала, что лгу. Что уже поздно. Что я уже привязана. К ним. К этому миру. К этой жизни.

И что я не хочу уходить.

Я закрыла глаза. И впервые за всё время позволила себе расслабиться. Просто лежать. Просто дышать. Просто быть.

А потом дверь открылась. И вошёл эльф. Без стука. Без разрешения.

— Госпожа, — сказал он тихо. — Нам нужно поговорить. Срочно.

Я села на кровати. Посмотрела на него.

— Что случилось?

Он подошёл ближе. Остановился у кровати. Посмотрел на меня. В его глазах было что-то, чего я не видела раньше. Что-то тёмное. Голодное.

— Рыцарь, — сказал он. — Он ушёл. Час назад. Он сказал, что не вернётся. Что он не может быть с тобой. Что он лучше умрёт свободным, чем будет жить рабом.

Я встала. Кровь отлила от лица.

— Куда он пошёл?

— К леди Ирме, — сказал эльф. — Он сказал, что расскажет ей всё. О тебе. О том, что ты не из этого мира. О том, что ты слаба. О том, что тебя можно убить.

Я смотрела на него. И чувствовала, как внутри всё сжимается. От боли. От предательства. От чего-то ещё, что я не хотела признавать.

— Тогда мы должны его остановить, — сказала я.

— Нет, — сказал эльф. — Уже поздно. Он ушёл. И он вернётся. С ней. С армией. С магией. Завтра на рассвете. И тогда...

Он не договорил. Но я поняла. И без слов.

Завтра будет битва. Настоящая. Не на арене. Не по правилам. Насмерть.

Я сжала кулаки. Посмотрела на эльфа.

— Тогда готовься, — сказала я. — И орка готовь. Потому что завтра мы либо победим, либо умрём. Но не сдадимся.

Он кивнул. Медленно. Посмотрел на меня. И в его глазах я увидела что-то, чего не видела раньше. Что-то, что заста-

вило моё сердце сжаться.

— Я не боюсь умереть, — сказал он тихо. — Я боюсь потерять тебя.

Он развернулся и вышел. Дверь закрылась.

Я осталась стоять. Одна. В пустой комнате. С кровью на руках. С магией, которая пульсировала в венах. С тремя мужчинами, которые любили меня. И с одним, который предал.

И я поняла, что теперь всё изменилось. Что пути назад нет. Что завтра будет кровь. Настоящая. И что я не знаю, выживу ли.

Но я знала одно: я буду драться. За них. За себя. За то, что мы успели построить. Даже если это стоило мне жизни.

Я подошла к окну. Посмотрела на чёрный лес. На небо. На луну. И впервые за всё время позволила себе заплакать.

А потом вытерла слёзы. И пошла готовиться к бою.

Потому что я — Госпожа. И я не сдамся. Никогда.

Жаркие истории литмоба “Хозяйка гарема рабов”
https://litnet.com/shrt/I0W-

1.Ирион Зет”Четыре раба для попаданки”

https://litnet.com/shrt/5ghn

2.Лана Динская”Гарем для госпожи”

https://litnet.com/shrt/EO8S

3.Любвизар”Пять мужчин моей свободы”

https://litnet.com/shrt/Rn8l

4.Екатерина Самойленко “Гарем для неправильной попаданки”

https://litnet.com/shrt/s6GS

5.Ника Трейси”Магия чужой судьбы”

https://litnet.com/shrt/nzrg

6.Эла Завейская”Таинственный пленник на день рождения”

https://litnet.com/shrt/YBjc

7.Дина Демич”Гарем для самозванки или в объятиях врагов”

https://litnet.com/shrt/e_LV

8.Анни Лейн”Мои любимые рабы мужчины”

https://litnet.com/shrt/ovZQ

9.Сотскова Татьяна, Барахлюш “Добро пожаловать, мужлан”

https://litnet.com/shrt/pjoS

10.Максимиан, Надежда Паршуткина”Стальная леди и ушастые”

https://litnet.com/shrt/YdnV

11.Ольга Баринова “Госпожа попаданка”

https://litnet.com/shrt/l_aR

12.Стася Беленькая”Строптивый раб или гарем не предлагать”

https://litnet.com/shrt/56ZP

13.Наталья Хитель”Рабство в фаворе? Я на приколе”

https://litnet.com/shrt/JiL0

14.Эдона Даас”Подарки эльфийского двора”

https://litnet.com/shrt/KX-5

15.Вика Пламя, Алена Червоная “Попаданка. Мой гарем, мои правила”

https://litnet.com/shrt/QSVN

16.Тиана Макуш”Хвост, Муранос…и гарем в придачу”

https://litnet.com/shrt/tUIU

17.Юлия Эллисон”Попаднка в мир мечты”

https://litnet.com/shrt/SK6o

18.Элин Ре “Гарем принцессы Ах’мари”

https://litnet.com/shrt/QD4a

ПРИЯТНОГО ЧТЕНИЯ!

Глава 5 Враг у ворот

Я не спала. Всю ночь просидела у окна, глядя на чёрный лес, и ждала. Ждала, что рыцарь вернётся. Что он передумает. Что он не сделает этого. Но он не вернулся.

К рассвету я уже знала, что он не придёт. Что он ушёл навсегда. Что он предал.

Эльф пришёл первым. Молчаливый, собранный, с мечом на поясе. Он встал у двери и не сказал ни слова. Орк пришёл следом. Он всё ещё хромал — рана на бедре не зажила, — но в его глазах была решимость. Он встал рядом с эльфом. И они оба смотрели на меня. Ждали.

— Где он? — спросила я.

— У неё, — сказал эльф. — Я посылал разведчика. Рыцарь в замке леди Ирмы. С прошлой ночи. Он рассказал ей всё.

— Всё? — переспросила я.

— Всё, — подтвердил эльф. — Что ты не из этого мира. Что ты не помнишь прошлого. Что твоя магия слаба. Что тебя можно убить.

Я закрыла глаза. Внутри всё сжалось. От боли. От злости. От чего-то ещё, что я не хотела признавать.

— Тогда почему она ещё не напала? — спросила я.

— Потому что она хочет поиграть, — сказал эльф. — Она не убьёт тебя сразу. Она хочет унизить. Сначала. Потом

убить.

Он замолчал. Посмотрел на меня. В его глазах было что-то, чего я не видела раньше. Что-то тёмное. Голодное.

— Госпожа, — сказал он тихо. — Нам нужно поговорить. Пока не пришёл посланник.

— Какой посланник? — спросила я.

— От леди Ирмы, — ответил он. — Она пришлёт его сегодня. Утром. С условиями. Она всегда так делает. Сначала посланник. Потом война.

Я посмотрела на него. На орка. На двух мужчин, которые остались со мной. Которые не предали. Которые готовы были умереть.

— Хорошо, — сказала я. — Говори.

Эльф подошёл ближе. Сел на край кровати — впервые без разрешения. Я не остановила его. Сейчас было не до правил.

— Ты должна понять, — начал он. — Леди Ирма сильнее тебя. Намного. Она питается болью уже двадцать лет. У неё дюжина рабов. Она убивает одного в месяц. Её магия — это не просто сила. Это опыт. Ты не можешь победить её в открытом бою.

— Тогда что я могу? — спросила я.

— Ты можешь стать сильнее, — сказал он. — Быстро. Очень быстро. Но для этого тебе придётся сделать то, чего ты боишься.

Я посмотрела на него. На его серебряные глаза. На его тонкие губы.

— Что именно? — спросила я.

Он не ответил. Вместо этого он посмотрел на орка. Орк кивнул. Медленно. Тяжело. Как будто соглашался на что-то, что разрывало его изнутри.

— Твоя магия питается болью, — сказал эльф. — Не просто болью. Настоящей. Той, которую ты причиняешь сама. Своими руками. Не плетью. Не игрой. Ты должна сломать кого-то. По-настоящему. Так, чтобы он ненавидел тебя. Так, чтобы он кричал. Так, чтобы он умолял о смерти.

Я смотрела на него. И чувствовала, как внутри всё холодеет.

— Ты хочешь, чтобы я пытала? — спросила я. — По-настоящему?

— Да, — сказал он. — Но не нас. Мы уже твои. Мы не можем ненавидеть тебя. Мы не можем дать тебе то, что нужно. Нам нужен кто-то другой. Кто-то, кто сопротивляется. Кто-то, кто ненавидит. Кто-то, кто не сломается сразу.

— Кто? — спросила я.

— Рыцарь, — сказал эльф. — Он предал. Он ушёл. Он рассказал ей всё. Он — враг. И он вернётся. С ней. С армией. И тогда...

Он не договорил. Но я поняла.

— Ты хочешь, чтобы я пытала его, — сказала я. — Когда он вернётся.

— Да, — сказал эльф. — Но не просто пытала. Ты должна сломать его. Полностью. Так, чтобы он стал твоим. Так, что-

бы он забыл своё имя. Так, чтобы он умолял тебя о смерти. И тогда ты дашь ему жизнь. И он будет твоим. Навсегда.

Я закрыла глаза. Внутри всё сжалось. От ужаса. От отвращения. От чего-то ещё, что я не хотела признавать.

— Я не могу, — сказала я. — Я не такая.

— Ты должна, — сказал эльф. — Иначе мы все умрём. Ты. Я. Орк. Все.

Он встал. Подошёл к двери. Остановился. Обернулся через плечо.

— Подумай, — сказал он. — У тебя есть время. До прихода посланника. Потом будет поздно.

Он вышел. Дверь закрылась.

Орк остался. Он сидел на полу. Смотрел на меня. В его глазах было что-то, чего я не видела раньше. Что-то тёмное. Голодное.

— Ты боишься, — сказал он.

— Да, — сказала я.

— Я тоже, — сказал он. — Но я не боюсь умереть. Я боюсь, что ты умрёшь. Что я не смогу защитить тебя. Что я буду смотреть, как ты умираешь, и ничего не смогу сделать.

Он поднялся. Подошёл ко мне. Опустился на колени. Посмотрел в глаза.

— Используй меня, — сказал он. — Не его. Меня. Я выдержу. Я сильный. Я всё выдержу. Только не он. Не предатель. Он не заслуживает твоей боли.

Я посмотрела на него. На его янтарные глаза. На его раз-

битое лицо. На его руки, которые сжались в кулаки.

— Нет, — сказала я. — Ты не должен. Ты не предавал. Ты не заслужил.

— Я заслужил, — сказал он. — Потому что я не смог защитить тебя. Потому что я слабый. Потому что я...

Он замолчал. Опустил голову. Его плечи дрожали.

— Потому что я люблю тебя, — сказал он тихо. — И не могу это изменить.

Я смотрела на него. И чувствовала, как что-то внутри меня ломается. Что-то, что я держала в себе. Что-то, что я боялась выпустить.

Я протянула руку. Коснулась его волос. Жёстких. Спутанных. Он вздрогнул. Поднял голову. В его глазах были слёзы.

— Я не буду тебя пытать, — сказала я. — Никогда. Ты понял?

Он кивнул. Медленно. Благоговейно.

— Понял, — сказал он.

Я наклонилась. Поцеловала его. В губы. Впервые. Мягко. Осторожно. Он замер. Потом ответил. Его губы были горячими. Шершавыми. Живыми. Он целовал меня так, как будто это было последнее, что он делал в жизни.

А потом дверь открылась. И вошёл посланник.

Он был высоким. Худым. В чёрном плаще. С лицом, которое не выражало ничего. Он вошёл без стука. Без разрешения. Как хозяин.

— Графиня Анна, — сказал он. Голос был ровным. Без

эмоций. — Леди Ирма передаёт вам условия. Вы должны предоставить своих рабов на арену. Сегодня. В полдень. Для публичной оргии. Они будут использованы как живые игрушки. Всеми желающими. До утра. Если вы откажетесь — война.

Я встала. Посмотрела на него. Внутри всё кипело. Но я держала себя в руках.

— Передай леди Ирме, — сказала я, — что я отказываюсь.

Посланник чуть приподнял бровь. Едва заметно. Но в его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление.

— Вы понимаете, что это значит? — спросил он.

— Понимаю, — сказала я. — Война.

— Война, — подтвердил он. — Леди Ирма сильнее вас. Намного. У неё дюжина рабов. У вас — двое. У неё магия, которая питается болью двадцать лет. У вас — магия, которая едва теплится. Вы умрёте. Все. Она убьёт вас. Медленно. Она умеет.

— Передай ей, — сказала я, — что я буду драться. До конца. И что она пожалеет, что связалась со мной.

Посланник посмотрел на меня. Долго. Молча. Потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Я передам. Но вы пожалеете. Все вы.

Он развернулся и вышел. Дверь закрылась.

Я осталась стоять. Одна. В пустой комнате. С орком, который смотрел на меня с обожанием. С эльфом, который во-

шёл следом за посланником и теперь стоял у двери. С магией, которая пульсировала в венах. С тремя мужчинами, которые любили меня. И с одним, который предал.

— Ты совершила ошибку, — сказал эльф тихо. — Ты должна была согласиться. Отдать нас. Спасти себя.

— Нет, — сказала я. — Я не отдам вас. Никогда.

— Тогда ты умрёшь, — сказал он. — И мы умрём вместе с тобой.

— Знаю, — сказала я. — Но по-другому я не могу.

Он посмотрел на меня. Долго. Молча. Потом подошёл. Опустился на колени. Посмотрел в глаза.

— Тогда я сделаю это, — сказал он. — Я стану твоим инструментом. Не он. Не орк. Я. Я выдержу. Я всё выдержу. Только не он. Потому что он любит тебя. А я... — он замолчал. — Я тоже люблю. Но я могу это скрыть. Я могу быть тем, кем нужно. Я могу быть твоим монстром.

Я смотрела на него. На его серебряные глаза. На его тонкие губы. На его руки, которые дрожали.

— Нет, — сказала я. — Ты не монстр. Ты — эльф. Ты — принц. Ты — мой.

Он чуть улыбнулся. Горько. Устало.

— Я не принц, — сказал он. — Я — раб. И я хочу быть твоим рабом. Твоим инструментом. Твоим монстром. Потому что только так я могу защитить тебя.

Я наклонилась. Поцеловала его. В лоб. В глаза. В губы. Он вздрогнул. Закрыл глаза. Прижался ко мне.

А потом дверь открылась снова и вошёл рыцарь.

Он стоял на пороге. В крови. В грязи. С мечом в руке. С глазами, в которых горела ненависть.

— Я вернулся, — сказал он. — Не за тобой. За ними. Я хочу забрать их. Они не должны умирать из-за тебя.

Я посмотрела на него. На предателя. На того, кто ушёл. Кто рассказал всё. Кто хотел убить меня.

— Ты опоздал, — сказала я. — Они уже мои. Навсегда.

Он посмотрел на эльфа. На орка. Потом на меня. И в его глазах что-то изменилось. Что-то, что я не хотела называть.

— Тогда я убью тебя, — сказал он. — И освобожу их.

Он бросился на меня. С мечом. С ненавистью. С криком.

И я поняла, что это тот момент, когда я должна решить. Кто я. Что я. Чего я стою.

Я выхватила плеть. И ударила. Прямо по его руке. Меч упал. Кровь брызнула. Он вскрикнул.

— Ты хотел меня убить? — спросила я. — Тогда смотри. Смотри, кто я.

Я ударила снова. По другой руке. Потом по груди. По животу. По бёдрам. Он падал. Кричал. Умолял. Но я не останавливалась. Потому что магия хотела ещё. И я хотела ещё.

Я остановилась. Только когда он затих. Когда его тело обмякло. Когда кровь потекла по полу. Я стояла над ним. С плетью в руке. С кровью на лице. С магией, которая наполняла меня до краёв.

— Ты хотел свободы? — спросила я. — Ты её получил.

Ты свободен. От всего. От жизни. От боли. От меня.

Я опустилась на колени. Рядом с ним. Посмотрела в его глаза. В них больше не было ненависти. Была пустота.

— Но я не убила тебя, — сказала я. — Я дам тебе шанс. Ты будешь жить. И ты будешь моим. Навсегда. Ты понял?

Он не ответил. Он не мог. Но я знала, что он слышит. Что он понимает. Что он согласен.

Я встала. Посмотрела на эльфа. На орка. На двух мужчин, которые смотрели на меня с ужасом и обожанием.

— Готовьтесь, — сказала я. — Завтра мы идём на войну. И мы победим или умрём. Но не сдадимся.

Они кивнули. Медленно. Благоговейно.

Я осталась стоять одна в комнате, где пахло кровью с рыцарем у моих ног, с эльфом и орком, которые смотрели на меня и ждали.

И я поняла, что теперь всё изменилось. Что выбора нет. Что я должна стать монстром. По-настоящему.

Я посмотрела на рыцаря. На его тело. На его кровь. На его пустые глаза.

— Ты хотел свободы, — сказала я тихо. — Я дам тебе её. Но сначала ты дашь мне силу. Всю. До капли.

Я подняла плеть. И ударила. Снова. И снова. И снова.

А потом я услышала это. Через щель в стене. Голоса. Эльф и орк. Они смотрели. Они видели. Они знали.

— Она делает это, — сказал орк. — Она действительно делает это.

— Да, — сказал эльф. — Она становится Госпожой. Настоящей.

— Это плохо? — спросил орк.

— Нет, — сказал эльф. — Это хорошо. Для нас. Для неё. Для всех. Потому что теперь она сильна. Теперь она победит.

— А он? — спросил орк.

— Он? — эльф помолчал. — Он станет её. Навсегда. И будет счастлив. Потому что для нас боль — это любовь. А она даёт ему любовь.

Тишина.

— Я тоже хочу, — сказал орк.

— Знаю, — сказал эльф. — Я тоже.

Я стояла над рыцарем. С плетью в руке. С кровью на лице. С магией, которая наполняла меня до краёв.

И я поняла, что теперь я не одна. Что у меня есть они.

Глава 6 Цена силы

Рыцарь лежал на полу, кровь уже запеклась тёмными корками на его губах, на подбородке, на груди, а дыхание выходило тяжёлым хрипом, будто каждый выдох рвал ему что-то внутри. Я стояла над ним с плетью в руке, магия пульсировала в венах так сильно, что я чувствовала её в кончиках пальцев, но этого было мало, потому что мне нужно было больше, чем просто кровь и покорность. Мне нужно было что-то, что он прятал глубоко внутри.

— Эльф, — сказала я, не оборачиваясь. — Орк. Выйдите.

Они не двинулись, и я слышала, как они дышат за моей спиной, как смотрят, как ждут, что я сделаю дальше.

— Выйдите, — повторила я. — И заприте дверь. Никто не должен входить. Поняли?

— Госпожа... — начал эльф.

— Это приказ, — сказала я, в голосе было столько холода, что даже я сама его не узнала.

Тишина повисла в комнате, тяжёлая и густая, а потом послышались шаги, скрипнула дверь, и замок щёлкнул с сухим звуком, отрезав нас от всего мира. Мы остались одни — я и рыцарь.

Он поднял голову медленно, с трудом, будто каждое движение отдавалось болью в избитом теле, и посмотрел на меня. В его глазах горела ненависть, но не только она, потому

что там было что-то ещё, что-то, что он прятал за этой злостью, и я хотела достать это любой ценой.

— Ты хочешь меня убить? — спросил он, и голос был хриплым, сорванным, как будто он кричал долго и без остановки. — Убей. Я не боюсь.

— Я не буду тебя убивать, — сказала я и бросила плеть на пол, где она упала с глухим стуком, от которого он вздрогнул.

Рыцарь посмотрел на плеть, потом снова на меня, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на недоумение.

— Тогда что? — спросил он.

Я подошла к кровати и сняла с балдахина верёвку — толстую, плетёную, с металлическими кольцами на концах, и я не знала, для чего она здесь висела, но сейчас она была нужна.

— Встань, — сказала я.

Он не двинулся, только смотрел на меня настороженно, как зверь, который ждёт удара.

— Встань, — повторила я. — Или я позову эльфа. Он поможет.

Он поднялся медленно, очень медленно, шатаясь так, что я думала, он упадёт обратно, и кровь капала с его пальцев на пол, оставляя тёмные пятна на камне. Он стоял передо мной — высокий, жилистый, со шрамом через бровь, с глазами, в которых горела ненависть.

— Руки, — сказала я.

Он не понял, посмотрел на свои руки, потом на меня.

— Что?

— Руки, — повторила я. — Вперёд. Скрести. Я свяжу тебя.

Он чуть улыбнулся, горько и устало, как человек, который уже давно перестал верить в хорошие концы.

— Ты думаешь, верёвки меня остановят? — спросил он.

— Нет, — сказала я. — Но они помогут тебе понять.

— Что понять?

— Что ты — мой.

Я подошла к нему и взяла его руки, которые были холодными, жёсткими и липкими от крови, скрестила их у него на груди, обмотала верёвкой, пропустила через кольца и затянула так, чтобы он чувствовал, но не так сильно, чтобы это было пыткой. Он смотрел на меня и не сопротивлялся, только дышал тяжело, с хрипом, и в этом дыхании было что-то, что я не могла назвать.

— Теперь, — сказала я, — ты будешь делать то, что я скажу. Или я оставлю тебя здесь. Одного. Связанного. На всю ночь. Без еды. Без воды. Без ничего.

— Мне плевать, — сказал он.

— Я знаю, — сказала я. — Поэтому я не буду тебя бить. Не буду пытать. Не буду причинять боль.

Он посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление, потому что он ждал боли, готовился к ней, а получил совсем другое.

— Тогда что ты будешь делать? — спросил он.

Я подошла к стулу, села и посмотрела на него, на связанного, с кровью на груди, с глазами, в которых горела ненависть.

— Я буду ждать, — сказала я.

— Чего? — спросил он.

— Пока ты не попросишь.

Он замер, смотрел на меня и не понимал, и я видела, как он ищет подвох, как ждёт удара, которого не будет, потому что была только тишина, только я и мои глаза, которые смотрели на него не отрываясь.

Прошёл час, может, больше, и он стоял, а я сидела, и мы смотрели друг на друга в тишине, густой, как патока, и слышно было только его дыхание, моё дыхание и капли крови, которые падали с его пальцев на пол.

Потом он сказал:

— Я не буду просить.

— Хорошо, — сказала я.

Прошёл ещё час, и его ноги начали дрожать, он качнулся, чуть-чуть, но я видела это, потому что смотрела, потому что ждала.

— Ты не устала? — спросил он, и голос был хриплым, как будто каждое слово давалось ему с трудом.

— Нет, — сказала я. — А ты?

Он не ответил, сжал челюсти, отвёл взгляд, и я видела, как он борется с собой, со своей гордостью, со своей ненавистью, которая уже начала трескаться по краям.

Прошёл ещё час, и он больше не стоял ровно, его качало из стороны в сторону, руки дрожали, кровь запеклась, раны болели, и я видела это по его лицу, по тому, как он морщился, как кусал губы, как сжимал кулаки.

— Госпожа, — сказал он тихо.

Я не ответила, только смотрела на него.

— Госпожа, — повторил он громче.

— Что? — спросила я.

— Я... — он замолчал, сглотнул, и я видела, как краска стыда заливает его лицо. — Я хочу...

— Что ты хочешь? — спросила я.

Он не ответил, отвёл взгляд, и его плечи дрожали так, что я думала, он сейчас сломается.

— Я хочу... — начал он снова и снова замолчал.

Я встала, подошла к нему близко, так, чтобы он чувствовал моё дыхание, чтобы видел мои глаза.

— Скажи, — прошептала я. — Скажи, чего ты хочешь.

Он посмотрел на меня, и в его глазах были слёзы, настоящие, первые, я видела, как они собираются в уголках, как дрожат ресницы, как он пытается их сдержать.

— Я хочу... — прошептал он. — Я хочу, чтобы ты...

— Что? — спросила я. — Сказать?

— Да, — выдохнул он. — Пожалуйста. Скажи. Скажи мне.

— Что сказать? — спросила я.

— Что ты... — он замолчал, закрыл глаза, и слёзы потекли

по его щекам. — Что ты хочешь меня. Что я нужен. Что я не просто раб. Что я...

Он замолчал, всхлипнул, и я смотрела на его слёзы, на его дрожь, на его руки, которые сжимались в кулаки, и чувствовала, как что-то внутри меня сжимается, что-то, что я не хотела признавать.

— Что ты? — спросила я мягко.

— Что я твой, — выдохнул он. — Навсегда. Что я люблю тебя. Что я хочу быть с тобой. Что я умру за тебя. Что я...

Он замолчал, открыл глаза и посмотрел на меня, и в его глазах была мольба, настоящая, отчаянная, такая, которую я не ожидала увидеть.

— Ты хочешь, чтобы я это сказала? — спросила я.

Он кивнул медленно, и слёзы текли по его лицу.

— Тогда попроси, — сказала я. — Попроси меня.

— Пожалуйста, — прошептал он. — Пожалуйста, скажи. Я умоляю. Скажи, что я твой. Что ты хочешь меня. Что я не просто раб. Что я...

Он снова замолчал, и слёзы душили его, и я видела, как его тело дрожит, как его член стоит, как он возбуждён не от боли, а от унижения, от мольбы, от того, что он умоляет меня, ту, которую ненавидел, ту, которую предал.

Я наклонилась и коснулась губами его щеки, и слёзы были солёными, горячими, живыми.

— Ты мой, — прошептала я. — Навсегда. Ты нужен мне. Ты не просто раб. Ты — мой рыцарь. Мой воин. Мой.

Он застонал громко, отчаянно, его тело выгнулось, он был на грани, так близко, что я видела это, чувствовала.

И тогда я отстранилась.

— Но ты не получишь разрядки, — сказала я. — Пока не заслужишь.

Он посмотрел на меня, и в его глазах было непонимание, потом ужас, потом мольба.

— Пожалуйста, — прошептал он. — Пожалуйста. Я умоляю. Я сделаю всё. Всё, что скажешь. Только позволь...

— Нет, — сказала я. — Ты будешь ждать. Всю ночь. С этим. Связанный. Возбуждённый. И утром, если ты всё ещё будешь умолять — я подумаю.

Я развернулась, пошла к двери, остановилась и обернулась через плечо.

— И ещё, — сказала я. — Ты будешь говорить это снова. И снова. Пока я не поверю. Пока не пойму, что это правда. Что ты действительно мой. Что ты действительно любишь. Что ты действительно умрёшь за меня.

Он смотрел на меня, слёзы текли по его лицу, тело дрожало, член пульсировал, и он был на пике, а я оставила его там.

— Я люблю тебя, — прошептал он. — Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я...

Я вышла, закрыла дверь, прислонилась к стене и почувствовала, как магия хлынула в меня волной, горячей, тяжёлой, голодной, и она наполнила меня до краёв, до кончиков пальцев, до корней волос. Я кончила прямо там, стоя у сте-

ны, без единого прикосновения, просто от того, что он умолял, что плакал, что сказал, что любит, что капитулировал добровольно, полностью, навсегда.

Я сползла по стене на пол, сидела, дышала и чувствовала, как магия пульсирует во мне, как она растёт, как становится сильнее, намного сильнее.

А потом я услышала шаги — медленные, осторожные — и подняла голову. Эльф стоял в конце коридора и смотрел на меня, и в его глазах было что-то, чего я не видела раньше: обожание и ужас одновременно.

— Ты подслушивал, — сказала я.

— Да, — сказал он, не извинился, просто признал.

— Зачем? — спросила я.

Он подошёл медленно, опустился на колени передо мной и посмотрел в глаза.

— Я знал твоё прошлое тело, — сказал он тихо. — Прежнюю Госпожу. Я был с ней три года. Я знаю её привычки. Её запахи. Её шрамы. Ты — не она. Ты никогда не была ею.

Я смотрела на него, и внутри всё сжалось.

— Что ты хочешь сказать? — спросила я.

— Я хочу сказать, — сказал он, — что ты убила её. Не случайно. Не по неосторожности. Ты убила её, чтобы занять её место. Чтобы получить её гарем. Её замок. Её жизнь.

— Я не помню, — сказала я. — Я не помню ничего.

— Я знаю, — сказал он. — Но это не меняет правды. Ты — убийца. Ты заняла чужое тело. Ты украла чужую жизнь. И

теперь ты стоишь здесь. С магией, которая растёт. С рабами, которые любят тебя. С врагами, которые хотят тебя убить.

Он замолчал, посмотрел на меня, и в его глазах было что-то, что я не могла прочитать, что-то тёмное и голодное.

— И теперь, — сказал он, — я твой союзник. Или враг. Решай.

Я смотрела на него, на его серебряные глаза, на его белые волосы, на его тонкие губы, и чувствовала, как что-то внутри меня меняется, ломается и собирается заново.

— Ты не враг, — сказала я. — Ты — мой. Как и он. Как и орк. Вы все — мои.

— Почему? — спросил он.

— Потому что вы нужны мне, — сказала я. — Потому что я нужна вам. Потому что мы — одно. Все четверо.

Он смотрел на меня долго, молча, потом улыбнулся горько, устало, но настоящей улыбкой.

— Хорошо, — сказал он. — Я твой. Но помни: я знаю, кто ты. И если ты когда-нибудь забудешь — я напомню.

Он встал, протянул мне руку, я взяла её, и он помог мне подняться.

— Идём, — сказал он. — Тебе нужно отдохнуть. Завтра война. Тебе нужны силы.

— Знаю, — сказала я.

Мы пошли по коридору — я и эльф — и я чувствовала, как магия пульсирует во мне, как она растёт, как становится сильнее, и я знала, что завтра будет битва, настоящая, и что я

готова. А потом я услышала это через стену — голос рыцаря, он всё ещё был там, связанный, возбуждённый, на пике.

— Я люблю тебя, — шептал он. — Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я...

Я остановилась, посмотрела на эльфа, и он смотрел на меня, и в его глазах было что-то, чего я не хотела называть.

— Он твой, — сказал эльф. — Навсегда.

— Знаю, — сказала я.

Мы пошли дальше, а голос рыцаря всё ещё звучал, тихо, отчаянно, снова и снова.

— Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя.

И я знала, что это правда. Что он действительно любит. Что он умрёт за меня. Что он мой навсегда.

И это было самое страшное. И самое сладкое. Что я когда-либо чувствовала.

Глава 7 Кровавый выбор

Я собрала их в тронном зале ночью, за час до рассвета, свечи горели тускло, отбрасывая длинные тени на каменные стены, так что их лица в этом свете казались высеченными из мрамора. Эльф стоял у окна, орк — у двери, а рыцарь замер в центре, всё ещё бледный после вчерашнего, с запёкшимися, но не зажившими ранами на груди, и он не смотрел на меня, а смотрел в пол, хотя я видела, как дрожат его пальцы, как сжимаются кулаки и как он борется с собой.

Я села на трон не потому, что хотела, а потому, что ноги не держали: всю ночь я не спала, всю ночь думала и теперь знала, что должна сказать.

— Слушайте, — начала я, и голос был хриплым, сорванным. — Я должна вам кое-что сказать. Важное. И вы выслушаете до конца, а потом можете делать что хотите, но сначала выслушаете.

Эльф обернулся, орк поднял голову, рыцарь замер, и все трое смотрели на меня и ждали.

— Я не из этого мира, — сказала я. — Я не графиня и не Госпожа. Я обычная женщина из другого мира, где нет магии, нет рабов и нет боли, где люди живут по-другому, где никто никого не пытает и где доброта — это не слабость, а сила.

Я замолчала и посмотрела на них, но никто не двинулся

и никто не сказал ни слова.

— Я не помню, как оказалась здесь, — продолжила я. — Не помню, как заняла это тело, не помню, что было до. Я помню только своё имя — Анна — и то, что я не отсюда, что я другая и что я не хочу быть той, кем вы меня считаете.

Эльф чуть улыбнулся, горько, как всегда.

— Мы знаем, — сказал он тихо. — Я знал с первого дня. Ты не умеешь бить, не умеешь причинять боль. Ты не Госпожа. Ты самозванка.

— Знаю, — сказала я. — И поэтому я хочу дать вам свободу.

Тишина стала густой, как патока, как кровь, как страх.

— Что? — переспросил орк.

— Свободу, — повторила я. — Я знаю подземный ход, эльф показал мне, и он ведёт за пределы замка, в лес, а там есть тропа к границе, к свободным землям, где нет графинь, где нет рабства и где вы можете жить как люди, как мужчины, как свободные.

Я смотрела на них и ждала, думая, что они обрадуются, что скажут «спасибо», что уйдут и будут счастливы. Я ошибалась.

Орк зарычал низко и гортанно, как зверь, шагнул вперёд, и его глаза горели янтарным огнём, а руки сжались в кулаки.

— Ты хочешь отпустить меня? — спросил он, и голос был низким и опасным. — После того, как показала мне рай? После того, как дала почувствовать, что значит быть твоим? По-

сле того, как я умолял тебя о боли, и ты дала мне её? Ты хочешь отпустить меня?

— Орк, — начала я.

— Нет! — закричал он. — Нет! Я не уйду! Я твой! Навсегда! Ты слышишь? Навсегда! Если ты уйдёшь — я убью себя! Прямо здесь! Прямо сейчас! Потому что без тебя нет меня! Нет жизни! Нет ничего!

Он упал на колени, обхватил голову руками, и его плечи дрожали, и я видела, как слёзы текут по его лицу, как он кусает губы и как борется с собой.

— Орк, — сказала я мягко. — Я не хочу, чтобы ты умирал. Я хочу, чтобы ты жил. Свободным.

— Свобода без тебя — это смерть! — выкрикнул он. — Ты не понимаешь! Ты не понимаешь, что ты для нас! Ты всё! Ты воздух! Ты кровь! Ты жизнь! Если ты уйдёшь — я задохнусь! Я умру! Я...

Он замолчал, захлебнулся слезами, и я смотрела на него и чувствовала, как что-то внутри меня сжимается, что-то, что я не хотела признавать.

Рыцарь шагнул вперёд, всё ещё бледный и слабый, но с решимостью в глазах.

— Ты не можешь дать нам свободу, — сказал он тихо. — В этом мире свободных рабов не бывает. Нас убьют на первом же перекрёстке, или заберут, или продадут. Мы рабы. Мы не умеем жить иначе. Мы не знаем, как. Мы не...

Он замолчал, посмотрел на меня, и в его глазах была боль,

настоящая, глубокая.

— Единственная свобода для нас, — сказал он, — быть твоими. Потому что ты не такая. Ты другая. Ты даёшь нам не только боль. Ты даёшь нам... — он запнулся, — себя. Свою доброту. Свою слабость. Свою силу. Ты наша свобода. Понимаешь?

Я смотрела на него, на его шрам, на его слёзы, на его дрожащие руки.

— Я не хочу, чтобы вы были рабами, — сказала я. — Я хочу, чтобы вы были людьми.

— Мы будем людьми, — сказал он. — Твоими людьми. Твоими мужчинами. Твоими воинами. Но не свободными. Потому что свобода без тебя — это пустота. Это смерть. Это ад.

Эльф подошёл медленно и беззвучно, как тень, встал рядом с рыцарем и посмотрел на меня, и в его глазах было что-то, чего я не видела раньше, что-то тёмное, голодное и опасное.

— Ты либо пойдёшь с нами в бой, — сказал он тихо, — и станешь нашей Императрицей. Либо мы все умрём сегодня. Но если ты выберешь побег — я расскажу соседке твою тайну. Ты попаданка. Ты беззащитная. Ты не Госпожа. И она сожрёт тебя живьём. Медленно. С удовольствием.

Я смотрела на него, на его серебряные глаза, на его тонкие губы, на его руки, сложенные на груди, спокойные и уверенные.

— Ты угрожаешь мне? — спросила я.

— Да, — сказал он. — Потому что я люблю тебя. И не позволю тебе сбежать. Не позволю тебе бросить нас. Не позволю тебе умереть. Ты наша. И ты будешь нашей до конца, до последнего вздоха, до последней капли крови.

Я встала с трона медленно, ноги дрожали, но я стояла и смотрела на них, на трёх мужчин, которые любили меня, которые не хотели свободы, которые хотели меня, только меня, навсегда.

— Вы хотите, чтобы я была Госпожой? — спросила я, и голос был твёрдым, холодным, чужим.

— Да, — сказали они хором, все трое.

— Хорошо, — сказала я. — Но у меня будет три правила. Правило первое...

Я не договорила, потому что в этот момент свет погас, все свечи разом, как будто кто-то задул их одним дыханием, и тьма стала густой, полной и абсолютной. А потом я услышала звук: ломающаяся дверь, треск дерева, крики, шаги, много шагов, быстрых, тяжёлых и опасных.

— Они здесь, — сказал эльф, и голос был ровным, но я слышала напряжение. — Леди Ирма. Она не стала ждать рассвета. Она пришла сейчас.

— Сколько их? — спросил рыцарь.

— Много, — сказал эльф. — Очень много.

Орк поднялся с колен, вытер слёзы, и его глаза горели уже не янтарём, а огнём.

— Я готов, — сказал он. — Я умру за неё.

— Мы все умрём, — сказал рыцарь. — Но не сегодня. Сегодня мы победим.

Я стояла в темноте, слушала шаги, крики, ломающуюся дверь и чувствовала, как магия пульсирует во мне, как она растёт, как становится сильнее, намного сильнее.

— Госпожа, — сказал эльф. — Что нам делать?

Я посмотрела в темноту, туда, где были шаги, туда, где была смерть, туда, где была война, и улыбнулась впервые за всё время настоящей улыбкой, злой, голодной и свободной.

— Правило первое, — сказала я. — Никто из вас не умрёт, пока я не решу, что вы заслужили смерть. И это будет не скоро. Потому что я только начала узнавать, на что способны мои игрушки.

Я подняла меч, тот самый, который дал мне рыцарь, тяжёлый, холодный и живой.

— За мной, — сказала я. — Покажем леди Ирме, что значит настоящая Госпожа.

И я шагнула в темноту, навстречу шагам, навстречу смерти, навстречу войне, а за спиной у меня были трое, мои, навсегда, и я знала, что мы победим или умрём, но не сдадимся.

Потому что я — Госпожа.

Продолжение в платной части.

Что будет дальше:

— Битва с леди Ирмой.

— Первая кровь на руках Анны.

— Новые рабы. Новые тайны.

— Магия экстаза. Магия боли. Магия любви.

— Ревность. Предательство. Прощение.

— И главное: сможет ли Анна остаться собой, став Императрицей?

– Все самое горячее и пикантное в платной части.

Читайте продолжение, если осмелитесь.

Глава 8 Первая кровь на руках

Тьма разорвалась криком, и это был не мой крик и не крик моих рабов, а чужой, женский, высокий и пронзительный, полный ярости и предвкушения, потому что леди Ирма не стала ждать, не стала играть в правила — она пришла убивать.

Я стояла в центре тронного зала с мечом в руке и слушала, как замок наполняется шумом: шаги, много шагов, тяжёлых, быстрых и уверенных, ломающаяся мебель, звон металла, и под всем этим тонкий вибрирующий гул магии, её магии, которая ползла по стенам, как чёрная вода, заполняла углы и стелилась по полу. Я чувствовала её холодной, липкой и голодной.

— Госпожа, — прошептал эльф, стоя у меня за спиной так близко, что я чувствовала его дыхание на шее. — Она использует страх. Это её оружие. Она создаёт иллюзии, твари, которых нет, но они убивают, если ты веришь в них, и тогда они становятся реальными.

— А если не верю? — спросила я.

— Тогда они исчезают, — сказал он. — Но она умеет заставить поверить. Она показывает то, чего ты боишься больше всего. Каждому своё.

Я сжала меч, и рукоятка была холодной, тяжёлой и чужой, но в ней была сила, не магическая, а просто человеческая,

тепло руки рыцаря, который держал её до меня, который дал её мне и который сказал: «Ты переступишь черту. Обратной дороги нет».

— Орк, — сказала я. — Рыцарь. Ко мне.

Они подошли: орк слева, рыцарь справа, эльф остался за спиной, и я чувствовала их всех троих, их страх, их решимость и их голод.

— Вы знаете, что делать, — сказала я.

— Да, — сказал эльф и опустился на колени п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.